

В. И. КОМАРОВ

ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА
ПОКРОВСКАЯ

Объединенный институт ядерных исследований

В. И. Комаров

**ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА
ПОКРОВСКАЯ**

Дубна
2025

*Автор глубоко благодарен многочисленным сотрудникам
Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ, поделившимся
своими воспоминаниями о И. Г. Покровской.
Автор пользуется возможностью поблагодарить сотрудников
издательского отдела ОИЯИ за многолетнее,
с 1960-х годов до настоящего времени, сотрудничество.
Особенно приятно поблагодарить Е. В. Калининкову,
В. А. Жбанкову и Е. П. Белолопतिकову за тщательную
и с чувством проделанную работу над книгой.*

Использованы фотографии, сделанные Ю. А. Тумановым,
П. И. Зольниковым, а также из личного архива автора.

Комаров В. И.

К63 Ирина Григорьевна Покровская / В. И. Комаров. — Дубна: ОИЯИ,
2025. — 72 с., фото.

ISBN 978-5-9530-0647-7

Книга посвящена жизни и деятельности выдающейся сотрудницы Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ Ирины Григорьевны Покровской (1932–2024).

Ирина Григорьевна Покровская работала в Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ с 1955 года до выхода на пенсию в 1998 году: до 1988 года — секретарем директора лаборатории, а затем руководителем административной группы. С 1955 по 1993 год она одновременно исполняла обязанности секретаря-референта академика Б. М. Понтекорво. Ирина Григорьевна четко и организованно выполняла большой объем работ в обширном потоке разнообразной научно-технической и административной информации. Оформляла документацию диссертационного и ученого советов лаборатории, стенографировала заседания Комитета полномочных представителей и Ученого совета ОИЯИ. Принимала деятельное участие в издании избранных трудов Энрико Ферми и Бруно Понтекорво. И. Г. Покровская пользовалась огромным авторитетом и глубоким уважением не только в коллективе ЛЯП ОИЯИ, но и среди ученых многих научных центров России и зарубежья. Она была удостоена медали «Ветеран труда» и награждена Почетным дипломом ОИЯИ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Ирина Григорьевна Покровская (Поликарпова) родилась 24 мая 1932 года в поселке Кореиз Ялтинского района Крыма. Отец, Григорий Георгиевич Поликарпов (1892–1941), и мать, Евгения Афанасьевна Поликарпова (Проненко) (1899–1980), — профессиональные драматические актеры. Родители мамы — дворяне, происходившие из Украины и жившие до революции 1917 года в Санкт-Петербурге (Петрограде). Отец Евгении Афанасьевны окончил медицинский и юридический факультеты Петербургского университета и как молодой врач был направлен на работу на Дальний Восток. Во время русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. По возвращении в Петербург открыл аптеку в доме на Невском проспекте. После революции он отправил семью под Полтаву, где у них была дача, а сам остался в хаосе революционного города, чтобы, как он сказал, «лечить людей, пока есть лекарства». Там он и погиб. Дочь Евгения, студентка мединститута, увлекавшаяся театром, с бежавшей из города частью одного из театров Петербурга стала

Евгения Афанасьевна и Григорий Георгиевич Поликарповы

передвигаться буквально на перекладных из разоренной европейской части России в Зауралье. Молодые актеры зарабатывали на хлеб концертами, которые они давали по дороге, и примерно через год добрались до знаменитого в то время театра «Красный факел».

Григорий Поликарпов родился в Москве в мелкопоместной дворянской семье, владевшей небольшой усадьбой в Подмосковье. С юности мечтал о театральном образовании, но был направлен отцом в Технологический институт, где получил высшее инженерное образование. При этом одновременно он окончил театральное училище. Начало работы в театре было прервано начавшейся в 1914 году войной. Он был мобилизован и в звании младшего офицера направлен на австрийский фронт, почти сразу попал в части, потерпевшие разгром, и оказался в плену в Австрии, где находился 2,5 года. В результате состоявшегося после войны обмена военнопленными российские пленные были в 1917 году доставлены океанским путем на Дальний Восток и там освобождены. Григорий Поликарпов прошел пешком до Красноярска, где был принят в театральную труппу «Красного факела». Там и произошла его встреча с Евгенией Проненко. Они создали семью и прожили в Сибири несколько лет, пока не утихла гражданская война. В начале 1920-х годов жили в Свердловске и Москве, работая в городских театрах. Григорий Георгиевич успешно играл многие роли классического русского репертуара.

Из-за тяжелой жизни в разоренной революцией и гражданской войной стране Евгения Афанасьевна заболела туберкулезом, и для ее спасения понадобилась смена климата. ЦК профсоюза работников искусств (РАБИС) в Москве предложил актеру Поликарпову организационную работу в санатории в Сочи, где он и работал около года. Однако в бальнеологическом плане несравненно лучше, чем Сочи, был Южный берег Крыма, куда и был затем направлен Поликарпов. Полномочиями РАБИС Григорий Георгиевич получил в распоряжение бывшую дворянскую усадьбу в поселке Кореиз. Организовать дом отдыха пришлось буквально на развалинах усадьбы, расположенной рядом с водопадом речки Хаста-Баш, стекающей со склонов Ай-Петри. В назначении Поликарпова директором дома отдыха сыграло роль, помимо большого стажа актерской работы, наличие у него технического образования. В течение нескольких лет ему удалось создать комфортабельный дом отдыха для широкого контингента советских актеров, художников, архитекторов и скульпторов. Григорий Георгиевич стал другом не только многих известных деятелей искусств, но и местного татарского населения, получавшего у него поддержку во всех своих бытовых нуждах. Многим из них он навсегда запомнился как заботливый член поселкового Совета Кореиза, который

Ириночка с папой

Ириночка с мамой

настойчиво убеждал их посылать детей в школу или добывал им дефицитные материалы для ремонта протекавших крыш.

Первым ребенком в семье была болезненная девочка, впоследствии не дожившая до совершеннолетия. Но, к счастью, вторая дочь, родившаяся в палате кореизской больницы в 1932 году, оказалась здоровым жизнерадостным ребенком. Она отличалась энергичным самостоятельным характером. Не утруждая маму, маленькая Ирина проводила дни в интеллигентной среде отдыхавших деятелей искусств, которые называли ее Екатериной Великой за серьезное и самостоятельное поведение. Она обычно сама располагалась в автобусе, отвозившем отдыхающих на берег моря, и купалась и загорала вместе с ними. Однажды она даже уехала с отдыхающими в Ялту, и только когда приехавшие стали расходиться в разные стороны по своим делам, они заметили одинокую девочку.

Комнаты отдыхающих располагались в специально построенных для этого помещениях, а для трапез использовались закрытые от солнца тентами столы на свежем воздухе. Простота обстановки замечательным образом дополнялась легкостью общения, излучавшейся неутомимым Григорием Георгиевичем. Он безусловно был любимцем своих подопечных. Многие из крупных работников искусств, будучи заносчивыми либо капризными на своих рабочих местах, здесь превращались в общительных и приятных людей. Не удивительно, что почти все они стремились из года в год попасть в гости к Григорию Георгиевичу.

Квартирой семьи директора служили комнаты, построенные на крыше хозяйственного помещения для хранения льда. Окна квартиры выходили на площадку крыши. Интересно, что это расположение сохранилось вплоть до 2018 года, когда Ирина приехала посмотреть на родные места. Территорию же бывшего дома отдыха вблизи русла шумливой Хаста-Баш заняли к этому времени какие-то жалкие хижинки 1990-х годов.

Излюбленным занятием маленькой Ирины было присоединяться к папе, когда он направлялся в поселок по различным делам. Так они вместе впервые в Кореизе закрепили многочисленные таблички с названиями улиц и номерами домов. Подраставшая Ирина часто навещала папу на его рабочем месте в здании администрации, находившемся в отдалении от территории дома отдыха. Для этого надо было пересечь по тропинке небольшой виноградник, с которым соседствовали обширные виноградники, раскинувшиеся вплоть до крутых склонов Ай-Петри. Тропинка приводила к двухэтажному зданию управления домом отдыха. Кабинет директора располагался в большой комнате на втором этаже особняка бывшей дворянской усадьбы. Дворяне имели

хороший вкус в архитектуре и природных ландшафтах, так что из кабинета директора дома отдыха открывался гипнотический вид на вершину Ай-Петри и зеленое море ведущих к ней просторов. Маленькая Ирина любила мечтать здесь о полетах к вершине, пока папа щелкал костяшками тогдашнего бухгалтерского инструмента — счетов.

Благополучие внезапно окончилось в 1939 году, когда Григорий Георгиевич был арестован сотрудниками НКВД (Народного комиссариата внутренних дел) по необоснованному подозрению в антисоветизме. Причиной было то, что с запозданием выяснилось, что он участвовал в мировой войне в звании младшего офицера и побывал в австрийском плену. Таких фактов биографии в СССР 1930-х годов было достаточно для гибели. Однако Григорию Георгиевичу повезло, потому что он попал в руки сотрудника НКВД, по-видимому, равнодушного к театральному искусству, а главное, нуждавшегося в опытных организаторах. Как раз в то время НКВД организовывал в Мисхоре санаторий им. Дзержинского для своих сотрудников. Лучшей кандидатуры, чем Поликарпов, для проведения соответствующей работы, найти было невозможно — человек уже показал себя, создав с нуля процветающий дом отдыха. Поэтому «черное пятно биографии» было проигнорировано, а реабилитированного сняли с должности директора кореизского дома отдыха РАБИС и назначили на административную должность создаваемого санатория им. Дзержинского. Семья Поликарповых была переселена из квартиры в доме отдыха в маленькое строение во дворе бывшей усадьбы Пясецкого на Севастопольском шоссе в Кореизе. Этот однокомнатный домик служил когда-то кухней.

Около двух лет Григория Георгиевича переводили с одной административно-хозяйственной должности на другую, укрепляя этим организацию нового санатория. Кадровая «чехарда» закончилась для Поликарпова с началом гитлеровской агрессии в июне 1941 года: уже к сентябрю германские войска подошли к Крыму, и завязались ожесточенные бои на крымском перешейке. Санаторий НКВД был эвакуирован, а Григория Георгиевича обязали консервировать помещения Юсуповского дворца, где был расположен санаторий. В сентябре Григорий Георгиевич вместе с дочерью обошел все комнаты дворца, запирая и пломбируя двери. Ирина не раз вспоминала потом этот печальный проход.

На то время Григорию Георгиевичу было уже сорок девять лет, однако, несмотря на непризывной возраст, он обратился в Ялтинский горвоенкомат с просьбой о приеме в действующую армию. Был принят в сентябре 1941 года и направлен на фронт. Темной сентябрьской ночью Евгения Афанасьевна

с детьми проводила его в армию и с тех пор никогда больше не видела. В сентябре она получила несколько писем с фронта, и это были последние известия о муже.

Гитлеровцы стремительно оккупировали Крым, и в первых числах ноября немецкие части уже вошли в Ялту. Женщины и дети, оставшиеся в Мисхоре, прятались по домам и не выходили на улицы, которые начали патрулировать немецкие мотоциклисты.

Седьмого ноября внимание жителей привлекли протяжные гудки, доносившиеся с моря. Вышедшие во двор дома на Севастопольском шоссе увидели источник гудков — теплоход, находившийся далеко в море напротив Мисхора. Со дворов было видно, как круживший над судном немецкий самолет сбрасывал на него бомбы и на палубах лайнера вспыхивали взрывы.

«Что они делают?! Ведь это же санитарный теплоход!» — выкрикивала Евгения Афанасьевна, прижимая к себе своих девочек. Гитлеровский ас методично сбрасывал бомбы на теплоход даже тогда, когда тот начал быстро тонуть. Призывавшие на помощь гудки теплохода захлебнулись лишь тогда, когда он наполовину ушел под воду. Самолет сделал над опустевшим участком моря контрольный круг и удалился. Евгения Афанасьевна увлекла в дом истерически плакавших девочек, чтобы они не видели окончательного погружения теплохода. Только после войны Ирина узнала, что она была очевидцем трагической гибели теплохода «Армения». Это страшное событие навсегда сохранилось в ее памяти.

В Кореизе установилась тревожная тишина, нарушаемая только треском немецких мотоциклов. Издалека постоянно доносился неустойчивый гул канонады. Это был грохот боев в Севастополе. Горная гряда Ай-Петринской яйлы не могла заглушить его полностью, и жители Кореиза, понимая источник гула, несколько месяцев вполголоса с надеждой говорили друг другу: «Наши держатся, наши держатся...»

Однажды на улицах появились объявления на русском языке, требовавшие обязательной явки на собрание жителей в помещении школы. Перед собравшимися выступил немецкий офицер, представившийся комендантом Кореиза. Ирине запомнилось начало его речи: «Люди! Мы пришли сюда, чтобы принести вам свободу. Отныне для вас навсегда закончились коммунистические голодовки и аресты. Для вас начинается время свободного труда и предпринимательства». Он ничего не сказал о том, когда привезут хлеб и привезут ли его вообще, а закончил тем, что все евреи без исключения должны прийти к нему на регистрацию, а те из них, кто присутствовал на собрании, должны

остаться сразу после него. Люди, выходявшие из школы, в ужасе старались не смотреть на остающихся.

Хлеб в магазинах не появился, и продуктовые магазины были заперты. Запасы пищи вскоре истощились, и единственным местом, где можно было найти что-то съедобное, стал базар в Алушке. Так как советские деньги быстро вышли из употребления, обычной практикой стал первобытный обмен товарами. Для семьи Поликарповых единственным товаром были предметы одежды и домашней утвари, обмениваемые на пшено, кукурузу и картошку. Постоянным и болезненным было неистребимое желание есть. Поскольку школы не открывались, появлялось время для ходьбы по ближайшим лесам и кустарникам в поисках чего-либо съедобного.

Так как стало известно, что больше продуктов при обмене можно получить в Симферополе, Евгения Афанасьевна решила на поход туда. Для детей такой 80-километровый путь был слишком трудным, и она оставила девочек дома одних, взяв с них обещание не съесть в первые дни еду, оставленную им на неделю. Было уже начало декабря, и найти что-то съедобное в лесу было невозможно, так что девочкам оставалось сидеть в холодном домике, глядя в оконце в ожидании мамы. Еды, несмотря на все усилия, на неделю не хватило, и на шестой день отсутствия Евгении Афанасьевны девочки пришли в отчаяние. Они были готовы выйти на Севастопольское шоссе и идти навстречу маме, боясь, что ее уже нет в живых. К невероятному счастью, она наконец пришла.

Через месяц надо было повторять поход за продуктами. Но на этот раз девочки отказались сидеть дома. Пошли втроем. Холодная зима 1941 года проявила себя даже в Крыму. Поскольку настоящей зимней одежды на Южном берегу Крыма не заводят, в пути им было очень холодно. В отсутствие перчаток особенно мерзли руки, и их отогревали только тогда, когда останавливались у пускавших их на ночлег людей.

На второй день пути немногочисленная группа путников остановилась у обочины шоссе — там лежало тело мужчины в красноармейской форме. Ирине запомнилось, что на лицо совсем молодого русского парня перебирался с придорожного стебля крупный муравей, огибая маленькое кровоточившее отверстие пулевой раны на лбу. «Комм форбай! Комм шнелль! — пролаяли подъехавшие на мотоцикле немцы. — Партизанен!» Второго убитого красноармейца увидели на дороге уже на перевале возле поста автодорожной службы.

В Симферополь пришли к вечеру третьего дня. Рынок оказался на окраине, где раньше простирались картофельные поля. Теперь они были окружены

двойными рядами колючей проволоки со смотровыми вышками над ними. Кое-где около фанерных бараков были видны истощенные люди. «Наши пленные», — перешептывались приходившие на рынок. Принесенные вещи обменивались на сушеную картошку. Обратная дорога была еще трудней, потому что даже девочки несли в рюкзаках небольшой груз картошки.

Уже в марте 1942-го во время очередного похода на рынок в Алупку Ирина с мамой попали в полицейское оцепление на небольшой городской площади. Обычно здесь вдоль стен сидели чем-нибудь торговавшие местные татары. Теперь полицейские под рев громкоговорителей сгоняли всех к деревьям на краю площади.

— Уходите отсюда скорее! — вполголоса сказал Евгении Афанасьевне татарин-полицейский, оказавшийся старым знакомым еще по дому отдыха.

— Но они приказывают находиться на собрании, — возразила она.

— Собрание, какое собрание? Вешать будут! Уводите детей!

Евгения Афанасьевна стала протискиваться, чтобы уйти, но опоздала: к деревьям уже подъехал грузовик с опущенным задним бортом. Кто-то забрался на дерево, перетаскивая из грузовика веревки. Ирина увидела почти детские лица двух подростков-школьников. Грузовик быстро отъехал — и ветви дерева дернулись вниз от тяжести повисших тел. Люди с криками ужаса бросились врассыпную. Так Ирине выпало несчастье видеть героическую гибель двух сверстников — братьев Гавыриных, оказывавших помощь партизанам.

30 июня 1942 года немногочисленные жители Кореиза, проснувшись утром, были поражены необычно глубокой тишиной. Русские женщины выбежали из домов, со слезами говоря друг другу: «Севастополь пал»... Последняя надежда на освобождение от немцев исчезла. Осталась оккупация с жизнью на грани существования. Учреждения, необходимые для полноценной жизни, не функционировали. Татарские жители получили разрешение возделывать небольшие участки земли, добывая продукты питания, но отдать им обещанные обширные виноградники оккупанты не спешили. Русским же разрешалось только заводить по несколько куриц и паре коз на семью. Но даже такое жалкое «хозяйство» облагалось жестоким налогом. Однажды Ирине с курицей в руках пришлось идти с мамой в комендатуру: Евгения Афанасьевна пыталась предложить принесенную курицу взамен требовавшегося налогом значительного количества яиц.

Такая жизнь на грани с гибелью продолжалась в Кореизе более двух лет оккупации и окончилась с триумфальным приходом Красной армии в апреле 1944 года. Радость выживших русских женщин, детей и стариков была безмерна. За несколько дней до прихода наших войск распространился слух

о готовившейся татарскими коллаборационистами, отступавшими вместе с немцами, расправе над местным населением. Напуганные жители с наступлением темноты уходили ночевать в окрестные леса. Ирине запомнились две такие бессонные ночи в холодном апрельском лесу... Тем более бурной была радость встречи наших солдат на Севастопольском шоссе. Измученные переходом, они почти не держались на ногах: «Мы спешили невероятно, потому что боялись за ваши жизни». И так нелепо выглядел приход в Кореиз целого подразделения татарских парней. Они входили в поселок из боковой улицы строевым маршем с развернутым красным знаменем (откуда только они его добыли?) и пением «По долинам и по взгорьям». А среди них, даже несмотря на советскую военную форму, узнавались бывшие полицейские лица.

Хлебный магазин открылся буквально через день, но в целом первые дни сопровождалось большим беспорядком. Так, по Кореизу бродили могучие бесхозные битюги, брошенные позорно бежавшими румынскими вояками. Дети осваивали мирных животных и катались на них по окрестностям. Ирина стала считать одного из них лично своим и гордилась тем, как управляла им. Однажды это чуть не закончилось трагически: конь тяжело разогнался вниз под гору и прыгнул через какое-то препятствие. Слетевшая с коня Ирина оказалась у него под ногами. Успела увидеть только, как конь буквально поджал пролетавшее над ней копыто, и оно лишь слегка задело ее лоб. Глубокая царапина оставила на лбу Ирины едва заметный след на всю жизнь.

На неоднократные запросы Евгении Афанасьевны о судьбе мужа она получала только лаконичный ответ о том, что он «пропал без вести». Со стороны властей в Советском Союзе к семьям пропавших без вести отношение было жестким и антигуманным. В частности, они лишались всех льгот, полагавшихся семьям погибших на фронте. На должностях, доступных Евгении Афанасьевне по состоянию ее здоровья, она не могла получать высокую зарплату, так что материальное положение семьи было крайне трудным. После длительной болезни старшая дочь умерла, и Ирина осталась с матерью вдвоем.

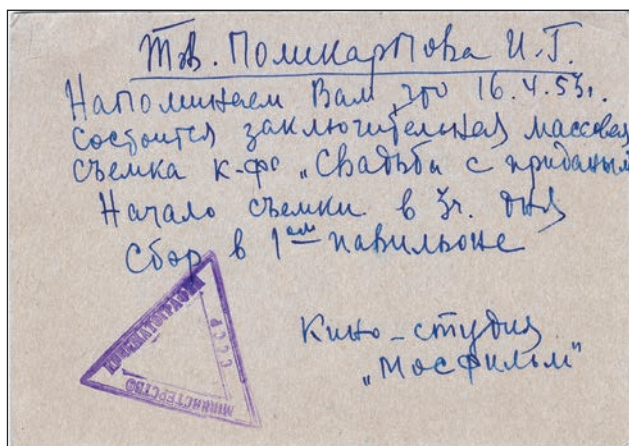
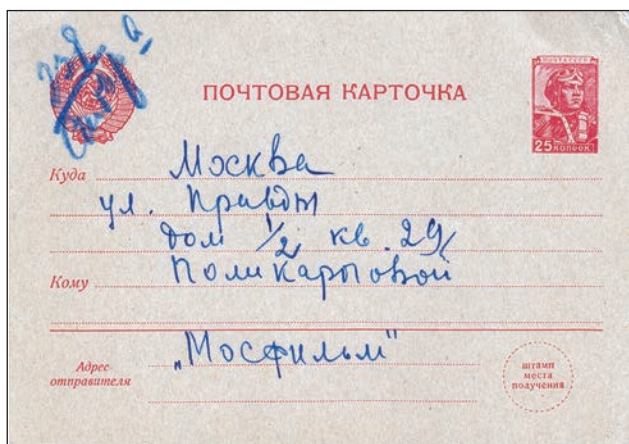
Для учебы в старших классах ей приходилось ходить в школу на дальнем краю Алупки, так что дорога составляла около 10 км в один конец. Однако училась Ирина усердно, любимым предметом была литература, и ее сочинение на выпускных экзаменах заслужило похвалу в областной газете: «Хорошо написала сочинение о великом Сталине ученица Поликарпова Ирина. Ее работа содержит выдержки из произведений советских писателей и поэтов, отличается глубиной мышления, эмоциональностью, красотой стиля и слова. Инструктор горкома ВЛКСМ Ю. Журавлев». Единственным нелюбимым школьным предметом у Ирины была физика. Когда однажды учитель упрек-

нул ее в отсутствии интереса к своему предмету, она ответила, что физика ей не понадобится в жизни никогда. «Как знать, как знать», — задумчиво проговорил он. В результате физика была единственным предметом в ее аттестате зрелости с оценкой «посредственно». Даже астрономия и иностранный язык заслужили оценку «хорошо», а остальные одиннадцать предметов, включая алгебру, геометрию и тригонометрию, — «отлично».

Настало время думать о продолжении образования, и летом 1951 года Ирина поехала в Москву. Остановилась у знакомой Евгении Афанасьевны, Надежды, помнившей Ирину еще девочкой по дому отдыха РАБИС. Тетя Надя жила в одиночестве после смерти мужа и была рада приехавшей девушке. Как и все красивые провинциалки, приезжавшие в Москву для поступления в вуз, Ирина подала документы во ВГИК. Так же как

Москва, 1952 год

Студенческие шутки.
Москва, 1953 год

И все-таки кинематограф ненадолго вошел в жизнь Ирины!

Москва, 1953 год

Ирина на студенческих каникулах в Крыму

и множество девушек, не имевших внешности киномодели и поддержки могучей руки в приемной комиссии, она не прошла по конкурсу. Засела за изучение рекламы московских вузов и проявила необыкновенную проницательность, выбрав Высшие центральные курсы стенографии Министерства высшего образования СССР. Пройдя по конкурсу, она начала трехлетнюю учебу, несмотря на крайнюю ограниченность в материальных средствах. Евгения Афанасьевна работала в читальном зале кореизского санатория «Беларусь», и ее зарплата была лишь немного выше минимальных расходов на проживание, так что помощь, посылаемая дочери, была мизерной.

Спасало то, что тетя Надя не требовала квартплаты, а питание они организовали совместное. В свободное от учебы время Ирина помогала хозяйке в ее швейной работе. На курсах появилась подруга, с которой она проводила редкое свободное время, а на летние каникулы непременно уезжала в Кореиз к маме. Так пришло время выпускных экзаменов, и 29 июня 1954 года Ирина получила свидетельство об окончании полного курса по специальности стенографа высшей квалификации рукописной и машинной стенографии. Незадолго перед этим она вышла замуж за выпускника МИФИ В. А. Моисеенко. Он был распределен на работу в Институт ядерных проблем Академии наук СССР в Московской области. Это исключало распределение Ирины на перспективную работу в Москве, которую ей предлагали по окончании курсов.

Ирина-студентка

НА ОРБИТЕ ЛАБОРАТОРИИ ЯДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ ОИЯИ

Летом 1955 года Ирина Григорьевна выехала поступать на работу в незнакомый ей город Московской области, где уже был принят на работу ее муж. Много лет спустя она так рассказывала об этой первой поездке:

«Солнечным июньским днем 1955 года я ехала в вагоне электрички, направляясь в неизвестное мне учреждение со слегка таинственным названием „Волга“. Я только что окончила Высшие центральные курсы стенографии Министерства высшего образования СССР, получив диплом стенографа высшей квалификации. „И что же я буду стенографировать в этой глубокой провинции?“ — размышляла я, глядя на проносившиеся за окном леса. Городок, куда

Первый приезд в Дубну. Июнь 1955 года

я добралась из Дмитрова уже автобусом, был тихим и пустынным, невысокие дома уютно располагались между стройными соснами. Отдел кадров Института ядерных проблем находился в совсем новом административном здании. Начальник отдела кадров, Вениамин Семенович Шванев, обратился по телефону к директору института: „Михаил Григорьевич, я оформляю сейчас вашего нового секретаря. Это требует времени, она придет на работу... Как сейчас? У нее еще нет формы и пропуска... Направить сейчас? Я объясню, как дойти, она будет через пятнадцать минут“. И я направилась к проходной института по указанному пути. Уже около проходной услышала за собой тяжелые уверенные шаги, меня обогнал крупный мужчина крепкого телосложения.

— Я Мещеряков. Вы ко мне?

— Да.

— Ирина Григорьевна, следуйте за мной.

Он открыл дверь, пропуская меня, и сказал дежурному: «Со мной». Мы пошли по тротуару вдоль дороги, где за старыми соснами было видно только три здания. «Самое дальнее здание — это 1-й корпус, наш ускоритель, — пояснял Михаил Григорьевич, — ближе 2-й корпус, электротехнический, а уже здесь 3-й корпус, администрация и научно-инженерные сотрудники. Здесь Вы и будете работать». В кабинете директора он пригласил меня сесть за массивный большой стол, а сам устроился в кресле напротив.

— Так откуда Вы, Ирина Григорьевна?

— Из Крыма.

— Из Крыма? Где Вы жили?

— Я родилась в Мисхоре.

— В Мисхоре? Так это сказочные места. Мы любим их и отдыхаем там всей семьей.

И завязалась оживленная беседа об излюбленных местах, хорошо известных обоим. Затем Михаил Григорьевич поднял трубку телефона: «Мы уже побеседовали, и завтра она выходит на работу. Вы говорите, нужно время для ее оформления? Оформляйте». И уже в другом тоне: «Завтра она должна быть на работе». И повесил трубку.

На следующий день я приступила к своим обязанностям. А их оказалось немало. Институт кипел вокруг недавно созданного ускорителя, ставшего мировым рекордсменом по достигнутым энергиям. Научные сотрудники и инженеры были в основном 25–30-летнего возраста, и их энергия подкреплялась сознанием значимости исполняемой работы. И все это происходило в стране, переживавшей энтузиазм послевоенного восстановления. Здесь, в Институте ядерных проблем АН СССР, работали поистине вдохновенно, — все было впервые и все обещало открытия. В приемной Михаила Григорьевича постоянно находились сотрудники, вызванные им или пришедшие в надежде на срочное решение возникших задач. И он решал их быстро и уверенно.

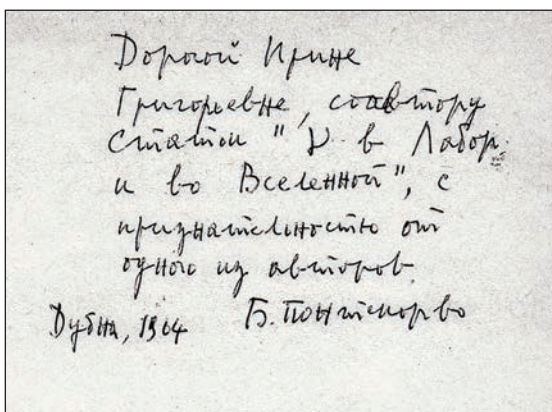
На заседании диссертационного совета. 1950-е годы

И. Г. Покровская и Л. М. Сороко. 1950-е годы

Михаил Григорьевич был харизматичным и категоричным человеком. Но ему не требовалось повышать голос или тем более стучать кулаком по столу. Его аргументы, очевидно, были весомы и понятны. Было интересно наблюдать, с каким лицом выходил очередной посетитель из его кабинета. В основном, удовлетворенным и даже слегка удивленным скоростью, с которой М. Г. справлялся с трудными ситуациями. Моя работа оказалась интересной, интенсивной и насыщенной событиями.

Новая неожиданная задача появилась вскоре, когда в приемную вошел незнакомый мне сотрудник. Он, вежливо представившись, произнес с очень сильным акцентом: „Айрина ГригорЕвна, я еще не очень сильный в русском языке. Но я сейчас пишу статью о своем учителе Энрико Ферми, который недавно умер. Он был великий ученый, но его мало знают здесь. Поэтому я должен написать о нем на русском языке. Мне нужна помощь человека, который хорошо владеет русским языком, чтобы корректировать текст. Мне сказали, что Вы отлично владеете русским языком. Давайте попробуем с Вами, может быть, у нас получится“. И мы попробовали в тот же день, потому что тогда как-то не принято было откладывать на завтра. Сначала мне было трудно, но я вскоре приспособилась. Бруно Максимович произносил очередную фразу на своей версии русского языка, которую я стенографировала. „Все же понадобилась стенография, — подумала я. — Но как же я разберусь в этих физических понятиях, чтобы изложить их по-русски?“ Однако вскоре я поняла, что по-настоящему ясные мысли выражаются ясными, простыми и лаконичными высказываниями. Логика мысли, если она есть, выстраивает логику предложения. И в результате мы „обкатывали“ очередное предложение,

Дарственная надпись Б. М. Понтекорво к статье «Нейтрино в лаборатории и Вселенной»

Сверка часов. И. Г. Покровская, Б. М. Понтекорво. 1971 год

повторяя его много раз в разной форме, пока Бруно Максимович не удовлетворялся ясностью фразы, а я — правильностью и даже красотой русского выражения. Так через несколько дней была написана с моей помощью первая статья, которая вышла в УФН* уже через четыре месяца после начала моей работы в институте. И за этой статьей последовали все остальные, написанные Бруно Максимовичем вплоть до середины 1970-х годов, когда с ним начал сотрудничать Самуил Михелевич Биленький. Правда, и позже я помогала в подготовке научно-популярных статей**.

В 1956 году был создан Объединенный институт ядерных исследований, директором которого был избран Дмитрий Иванович Блохинцев. ИЯП АН СССР вошел в него в статусе Лаборатории ядерных проблем (ЛЯП). Дирекция переехала в новый корпус, который выглядел тогда одиноким бастионом науки, так как рядом еще не было ни корпуса ЛЯР слева, ни корпуса ЛТФ справа. Директором ЛЯП назначили Венедикта Петровича Желепова, который ранее был заместителем М. Г. Мещерякова. Сам же М. Г. был назначен руководителем отдела нуклон-нуклонных соударений ЛЯП. Такое понижение должностного положения М. Г. не сопровождалось какой-либо официальной мотивацией. На партийном собрании ЛЯП было проведено обсуждение характеристики М. Г., где ему был вменен в вину «недемократический стиль работы». Нашлись немногочисленные сотрудники, обвинявшие его якобы в грубости и пренебрежении мнением окружающих. Эти выступления были положены в основу резолюции, пошедшей наверх и послужившей поводом

*Понтекорво Б. М. Памяти Энрико Ферми // УФН. — 1955. — Т. LVII, вып. 3. — С. 351.

**Секретарь трех корифеев науки // Комаров В. И. Физика в кругу друзей и коллег. Дубна: ОИЯИ, 2024. — С. 82–85.

На Московском море. Слева направо:
Л. И. Лapidус, А. А. Логунов, И. Г. По-
кровская... 1960-е годы

Теплоходная прогулка по Волге. Д. И. Бло-
хинцев беседует с И. Г. Покровской

для «санкции». Надо признать, что упомянутые обвинения не соответствовали общей оценке Михаила Григорьевича подавляющим большинством сотрудников лаборатории, которым вполне импонировал деловой и харизматичный стиль работы директора. Поэтому они восприняли понижение М. Г. как неоправданное проявление общего тогда курса борьбы с «культом личности». Лишь сравнительно недавно появилась информация, освещающая историю этого события*. Исходным пунктом произошедшего было увлечение Игоря Васильевича Курчатова в последние годы жизни проблемой управляемой термоядерной энергии. Для ее эффективного решения он планировал привлечь наиболее авторитетных и компетентных физиков к одному грандиозному проекту. Общее руководство проектом предполагалось поручить Л. А. Арцимовичу, а исполнение работ — руководителю создания высокоэнергичного синхротрона М. Г. Мещерякову, успешно справившегося с поставленными тогда задачами. Эта идея была одобрена Н. С. Хрущёвым. Он увидел в решении этой проблемы исторический подарок XX съезду КПСС. Однако М. Г. категорически отказался от предлагаемой ему Курчатовым почетной обязанности. Не убедило его и давление со стороны как высших деятелей КПСС, так и администрации. Он настойчиво называл проект научным авантюризмом. Это привело к решению Хрущёва показательно наказать М. Г., используя партийную технологию, что и было сделано.

В соответствии с общим духом времени личные оценки действий вышестоящих органов не выносились для публичного обсуждения, и ревизия директората прошла для подавляющего большинства сотрудников вполне бес-

**Расторгуев А.* М. Г. Мещеряков и его время // Проза.ру, 2005. <https://proza.ru/2005/08/12-113>.

следно. Не затронула она и Ирину Григорьевну, которая автоматически стала секретарем нового директора.

Надо отдать должное Венедикту Петровичу Желепову, который уже успел оценить деловые качества секретаря Мещерякова и приветствовал появление

За работой. 1950-е годы

Диссертационный совет ЛЯП. И. Г. Покровская ведет протокол заседания

Обсуждение новых результатов. Слева направо: В. П. Джелепов, Я. А. Смородинский, Ж. Лаберриг-Фролова, Б. М. Понтекорво, И. Г. Покровская

у себя отличного сотрудника. С другой стороны, Ирина Григорьевна быстро оценила деловые и человеческие качества нового директора. Много позже она говорила о нем так: «Энергии и инициативы Венедикта Петровича хватило бы на нескольких хороших директоров. Он знал в лаборатории все и всех. Научных сотрудников знал лично и беседовал с ними постоянно, обсуждение актуальных научных вопросов часто происходило с глазу на глаз — на стене висела доска, на которой приглашенный сотрудник чертил графики, приводил цифровые данные, отвечая на вопросы директора. (Интересно, что первый же директор, сменивший Венедикта Петровича, убрал доску, а все последующие ее не восстанавливали.) Он достаточно глубоко вникал во все научные проблемы лаборатории, несмотря на исключительно широкий их спектр. А обсуждение своих работ проводил лично, как правило, в составе всей научной группы, и обсуждение продолжалось часами, независимо от времени суток. Венедикт Петрович систематически приходил на ускоритель во время сеансов и составлял мнение о научных группах, непосредственно наблюдая их работу»^{*}.

С некоторыми сотрудниками Венедикт Петрович поддерживал помимо деловых и теплые дружеские отношения. В этом плане в первую очередь

^{*} Секретарь трех корифеев науки // Комаров В. И. Физика в кругу друзей и коллег. — Дубна: ОИЯИ, 2024. — С. 86–87.

На берегу Байкала. 1960-е годы

нужно вспомнить Юлиана Арамовича Будагова, супругов Флягиных, Владимира Борисовича и Дину Александровну, Камо Огсеновича Оганесяна, Замолодчиковых, Бориса Ивановича и Аллу Васильевну. Ирина Григорьевна, безусловно, входила в этот дружеский круг, поддерживая самые теплые отношения с супругой Венедикта Петровича, Татьяной Николаевной, которая относилась к ней буквально как к своей дочери. Так же дружески принимала Ирину и мама Татьяны Николаевны, которая многие годы была хозяйкой в доме. «Мама самого Венедикта Петровича погибла в Ленинградской блокаде, и всякий раз в сердце Венедикта Петровича болью отзывалось воспоминание о том, что он не смог

уговорить маму уехать с ним из Ленинграда в эвакуацию. Надежда Игнатьевна была медицинским работником и считала, что в Ленинграде она будет нужнее. Блокаду она не пережила и умерла в 1942 году, не покидая рабоче-

На берегу Байкала. Отдых с Татьяной Николаевной Джелеповой

го места. С тех страшных лет сохранился журнал круглосуточных дежурств сандружинниц, среди которых значится и фамилия Н. И. Джелеповой»^{*}.

«До 1980-х годов, до выхода на пенсию Татьяны Николаевны, работавшей в Москве, хозяйкой в доме Венедикта Петровича была теща, Анна Тимофеевна, — прямая, строгая, чопорная дама, постоянно жившая в Дубне. В. П. называл ее нежно тетей Аней и был с ней в большой дружбе. Дом был образцом чистоты, порядка и радушия, а обстановка — простоты и необходимости.

Пожалуй, два предмета обращали на себя особое восторженное внимание. На втором этаже, в кабинете, стоял письменный стол, принадлежавший когда-то И. В. Курчатову и подаренный Венедикту Петровичу, когда тот отправлялся в Дубну. Огромный, резной, старинной работы, с овальным углублением перед креслом, стол-красавец был так тяжел и неповоротлив, что по прибытии в Дубну его поднимали на второй этаж коттеджа лишь с помощью крана через балкон. <...>

Второй предмет — шкура могучего бурого медведя с огромной головой и свирепо оскаленной пастью. Эту шкуру Анна Тимофеевна привезла в начале века с Дальнего Востока, где вместе с мужем работала в геологических партиях. Выделка шкуры была столь хороша, что „медведь“ прекрасно сохранился до последних лет. Он долго висел в гостиной на первом этаже над кушеткой, собственноручно изготовленной Венедиктом Петровичем в 1950-х годах из добротных ящичков, привезенных в Москву из эвакуации. И редкий гость мог удержаться от соблазна потрепать зверя по могучему загривку. <...>

И, конечно, в доме была прекрасная библиотека. Уникальные издания, технические и художественные, альбомы, словари и справочники, заполнив все шкафы, в последние годы жили и на подоконниках, столах, табуретках.

В доме придерживались разумной умеренности в пище, в которой преобладали традиционные русские блюда: каши всех сортов, щи, рыба, морсы, овощи, молоко. В памяти возникает прелестная жанровая картинка. За обедом Анна Тимофеевна, строго глядя на зятя и слегка постукивая по столу кончиком указательного пальца, озабоченно произносит: „Веня, Вы берете третий кусочек хлеба“. Венедикт Петрович не обижается, но кусочек на место не возвращает.

Гостей в доме Джелеповых любили. Их всегда было много. Потчевали властью. Пеклось и жарилось много вкусного. Чай подавался в изящном зеленом сервизе кузнецовского фарфора, подаренном еще Надежде Игнатьевне,

^{*} Покровская И. Г. // Венедикт Петрович Джелепов. К 110-летию со дня рождения: Книга-альбом / М. Лукичев, Д. Ротенберг, С. Ражева (авт.-сост.). — Рыбинск: РМП, 2023. — С. 32.

маме Венедикта Петровича, в день свадьбы. Изготовленный в начале века, он благополучно вынес все его потрясения, включая блокаду Ленинграда.

За сорок с лишним лет работы с Венедиктом Петровичем я ни разу не увидела его небрежно, неряшливо одетым, неухоженным. Костюмы, шитые московским индивидуальным портным с учетом особенностей фигуры, сидели на нем безукоризненно. И ботинки всегда были начищены до блеска. О галстуках он заботился особо. Был внимателен и к внешности окружающих. Вспоминается курьезный случай. Много лет назад, когда в моду вошли джинсовые юбки, я и вторая хозяйка нашей приемной, Дина Александровна Флягина, в один прекрасный день, не сговариваясь, явились в таких только что добытых юбках на работу. Пришел Венедикт Петрович, внимательно посмотрел на нас, попросил: „Зайдите обе“. Мы зашли в кабинет. Венедикт Петрович сидел за столом, почему-то прикрыв глаза ладонью: „Девчонки, как вы могли надеть эти жуткие водопроводные трубы? Никогда больше не носите их“*.

Ирина Григорьевна и сама относилась к своему внешнему виду очень внимательно. Элегантная прическа, легкая косметика и парфюм вместе с замечательной одеждой, прекрасно сидевшей на ее стройной фигуре, делали Ирину

За работой. 1950-е годы

* Покровская И. Г. // Венедикт Петрович Желепов. К 110-летию со дня рождения: Книга-альбом / М. Лукичев, Д. Ротенберг, С. Ражева (авт.-сост.). — Рыбинск: РМП, 2023. — С. 152–153.

Празднование 8 Марта в группе административно-хозяйственного отдела ЛЯП, 1970 год. И. Г. Покровская справа

Ноябрьские праздники 1970 года. И. Г. Покровская вторая справа

Григорьевну образцом для дам дубненского научного центра. Ее приоритет в этом отношении был неоспорим. Новые летние платья И.Г. становились событием в сознании дам. Ирина Григорьевна была вне конкуренции еще и потому, что пользовалась услугами лучшей городской портнихи. Эта

талантливая мастерица имела оперативный доступ к дефицитным новинкам дубненской торговой сети, и ее «продукция» всегда вызывала восхищение со-ответствием качества материала и работы. Так что реакция Венедикта Петровича на уродливость джинсовой моды вполне понятна.

Объем работы Ирины Григорьевны был невероятно большим: организация приема сотрудников директором, подготовка директорских совещаний, переговоры с Москвой и научными центрами Союза, подготовка заграничных командировок сотрудников, не говоря уж о постоянном половодье командировок сотрудников по всему Союзу, печатание очередных административных бумаг лаборатории и срочных научных статей. Все это наводнение перекрывалось участием в заседаниях ученых советов, диссертационных советов и партийных конференций лаборатории и ОИЯИ. Одновременно Ирина Григорьевна выполняла обязанности секретаря-референта Б. М. Понтекорво, так как другие секретари не могли обеспечивать его общение с многочисленными коллегами в различных научных центрах стран-участниц ОИЯИ и за рубежом. Понимать его стремительную речь, далекую от обычно плавного русского языка, было крайне трудно. Тем более невозможно понять реакцию администрации ОИЯИ на неоднократные просьбы Венедикта Петровича о введении для И. Г. Покровской по совместительству должности секретаря академика Б. М. Понтекорво. Ссылались на то, что у других академиков в ОИЯИ нет секретарей, при этом как бы не понимая, что все эти академики занимали должности директоров лабораторий, и так имевших секретарей. Несмотря на постоянную большую перегрузку, Ирина Григорьевна успешно помогала Бруно Максимовичу в написании научных статей на русском языке*.

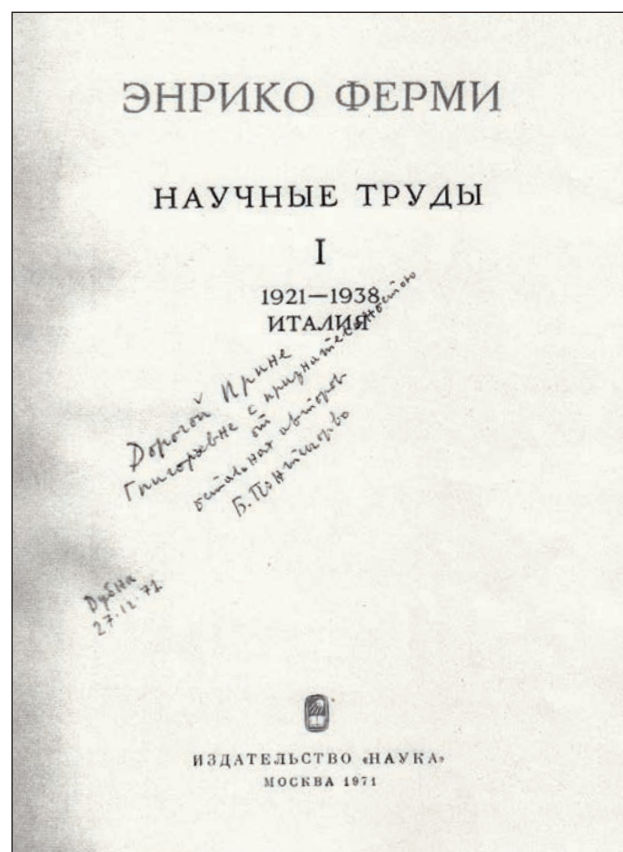
Высокое качество стиля научных статей Бруно Максимовича на русском языке неоднократно отмечалось редакциями советских физических журналов. В этом, конечно, основная заслуга принадлежала Ирине Григорьевне. Показательно то, как однажды, когда она была в отпуске, Бруно Максимович поспешил и попросил отредактировать русский текст статьи вполне компетентную коллегу Ирины Григорьевны. Б. М. был крайне раздосадован и огорчен, когда неделю спустя получил из редакции раздраженный ответ в виде текста своей статьи, сплошь красного от сделанных редакцией правок. Пришлось ждать возвращения Ирины Григорьевны.

Качественный и надежный стиль ее работы оценили не только в ОИЯИ: по приглашению Государственного комитета по использованию атомной энергии Ирина Григорьевна неоднократно привлекалась в 1960-х годах к ра-

*Более подробно об этом рассказано в статье И. Г. Покровской «Судьба свои дары явить желала в нем» (см. приложение А).

боте в группе технического обслуживания конференций МАГАТЭ в Вене (Австрия). И это в то время, когда доступ в капиталистические страны даже для партийных сотрудников был крайне ограничен. (Стоит ли упоминать здесь, что Ирина Григорьевна никогда не была членом какой-либо партии?)

Напряженная работа в Институте не могла полностью подавить личную жизнь: уже в июне 1960 года Ирина Григорьевна расторгла брак с В. А. Моисеенко. Несколько лет совместной жизни убедили ее в отсутствии необходимых общих интересов. Достаточно сказать, что добросовестная разработка им фотоаппаратуры для одной из трековых камер ЛЯП не могла увлечь такую яркую личность, какой была Ирина Григорьевна. Некоторое время спустя она вышла замуж за приехавшего из Ленинграда кандидата физ.-мат. наук В. Н. Покровского, взяв для себя фамилию Покровская. Не проявляя особого интереса к своей специальности ядерной спектроскопии, В. Н. Покровский был широкообразованным человеком, особо увлекавшимся художественной и социологической литературой. Великолепная память, образованность, интеллигентность, неординарность делали его интересным для окружающих. Этими качествами он привлек внимание и Бруно Максимовича, когда в конце 1960-х годов тот увлекся идеей издания на русском языке научных трудов своего учителя Энрико Ферми. Редакционную коллегию двухтомника составили

Титульная страница первого тома научных трудов Энрико Ферми с автографом Б. М. Понтекорво

Б. М. Понтекорво и В. Н. Покровский, а большой объем работы по подготовке текстов Ферми на русском языке взяли на себя Р. Г. Васильков и И. Г. Покровская. Трудно представить, как Ирина Григорьевна могла выполнять эту масштабную работу наряду со своими повседневными обязанностями в лаборатории, но тем не менее после двух лет подготовки двухтомник вышел в свет в издательстве «Наука»*.

Гонорар, полученный Ириной Григорьевной за эту работу, позволил ей осуществить давнюю мечту — сесть за руль собственной автомашины. Кроме самой покупки вазовского «фиата» первого выпуска после долгого ожидания в очереди желавших купить этот дефицитный автомобиль, надо было преодолеть еще одну трудность — получить права на вождение. В те времена это можно было сделать только через автошколу, располагавшуюся в левобережной части Дубны. Из-за крайне ограниченных средств этой школы практика вождения проводилась с использованием только одного старого грузовика. Мало того, что практических занятий было немного, надо было еще суметь сдать зачет по вождению на этом грузовике. Ирина Григорьевна с чувством победителя рассказывала о том, как ей удалось справиться с одним из труднейших требований комиссии — въехать задним ходом в узкие ворота. Для этого надо было вести машину, стоя на подножке открытой кабины, глядя назад и успевая при этом делать педалью «двойную перегазовку», без чего мотор грузовика просто глох. После преодоления этих трудностей Ирина Григорьевна в 1974 году была принята в сообщество бывалых автолюбителей ЛЯП, таких как С. В. Медведь, В. Г. Зинов, Е. Б. Озеров, и ее главным увлечением в нерабочее время стали автовожжи. Сначала в их круг входило Подмосковье, но в дальнейшем энтузиазм Ирины Григорьевны распространился почти на всю европейскую часть России, Крым и Прибалтику.

Уже к концу 1960-х годов для Ирины Григорьевны стало очевидным исключительное своеобразие личности В. Н. Покровского: его не интересовало буквально ничего, кроме чтения художественной литературы, а время, свободное от чтения, он посвящал поискам новых публикаций. Патологическое поглощение новых книг у него не сопровождалось их обсуждением с кем-либо — они служили ему только для внутреннего потребления. Единственным исключением из увлечения собственным внутренним миром служила для него дружба с группой выдающихся московских альпинистов. Альпинизмом как таковым он тоже не интересовался, и дружба поддерживалась только его систематическим пребыванием в отпускное время на альпинистских сбо-

* *Ферми Э.* Научные труды: В 2 т. — М.: Наука, 1971–1972.

В Черном море

С одноклассницей
Светланой Титовой.
Крым, 1972 год

Античные пляски

рах его друзей. Разумеется, это полностью исключало сопровождение им И. Г. в поездках к маме в Кореиз.

А для Ирины Григорьевны такие поездки были совершенно необходимы, так как Евгения Афанасьевна категорически отвергла предложение дочери жить в Дубне. Она не могла заменить климат Южного берега Крыма и восхитительные окрестности Кореиза холодным и дождливым климатом Дубны с ее болотистой местностью. В домике Евгении Афанасьевны не было ни водопровода, ни центрального отопления. Единственными средствами цивилизации служили радиопроводка и электричество, а для отопления и приготовления пищи использовалась небольшая кирпичная плита. Зато перед окнами был маленький палисадник с цветами и парой фруктовых деревьев... Каждое лето Ирина Григорьевна должна была организовывать доставку дров и угля с топливной базы в Ялте. Это было совсем неженским занятием и доставалось ей с трудом. И в этом отношении совместная жизнь с В. Н. Покровским тоже стала совершенно непереносимой.

В родном Кореизе. 1973 год

Не удивительно, что в начале 1970-х годов в жизни Ирины Григорьевны произошло знаменательное событие — она по-настоящему познакомилась с Владимиром Комаровым. До этого времени, с середины 1950-х годов, их знакомство протекало в рамках чисто служебных отношений. Случайное счастливое событие позволило им узнать друг друга спустя более десяти лет после первого знакомства. Таким событием стал десятидневный байдарочный поход по реке Медведице с друзьями — супружеской парой Флягиных. Эта кратковременная встреча обнаружила необыкновенно близкое восприятие жизни, общность интересов и легкое понимание друг друга. В ноябре 1974 года Ирина Григорьевна заключила брак с Владимиром Ивановичем Комаровым, счастливо продолжавшийся затем 50 лет. Ирина Григорьевна решила оставить за собой ранее принятую фамилию — к тому времени фамилия Покровская получила значительную известность и ее смена вызвала бы много неудобств.

Совместная жизнь с В.И. началась с получения однокомнатной квартиры на 10-м этаже дома по улице Векслера. Летние дни отдыха супруги проводили за рулем, причем ночлегом часто служила палатка, которую ставили в каком-нибудь диком, но спокойном месте. Туристических автокемпингов

тогда в Союзе практически не было, а получить место в гостинице тоже было нереально.

Не удивительно, что, когда И. Г. и В. И. приехали на своей машине на научный симпозиум в Ленинград, им предоставили пружинные железные койки в громадном конференц-зале какого-то института. В тот раз их ВАЗ шел в Ленинград на пару с «Волгой» Бруно Максимовича Понтекорво. Когда Б. М. увидел их спартанский ночлег, он отнесся к этому с присущим ему юмором и предложил зайти к нему в гости в гостиницу Дома ученых, чтобы познакомиться с апартаментами «больших ученых». Его апартаменты включали три большие комнаты с мягкой мебелью императорских времен. Спальное ложе, окруженное статуями и пальмами, утопало в пуховых перинах. Надо было видеть, как Бруно смеялся над этой роскошью: «Современные ученые не уступают царским вельможам в любви к комфорту».

Владимир Иванович так описывает жизнь с Ириной Григорьевной в то время:

«Зимой мы целые дни проводили на лыжных прогулках в окрестных полях и лесах. Ирина, южный человек, ранее не знавший лыж, замечательно освоилась с этим занятием и была способна проходить за день десятки километров. Однако в начале 1977 года пришлось временно оставить это удовольствие. Летом 1976 года у нас было очередное путешествие по Крыму. На этот раз мы вместе с Бруно Максимовичем посетили Крымскую обсерваторию. Заведующая отделом солнечной астрономии подарила Б. М. основательную лекцию, не подозревая, что он знает о физике Солнца не меньше, чем она. Б. М. с неизменной вежливостью слушал лекцию, пока не задал вопрос, открывший наконец его осведомленность. После этого они вдвоем долго обсуждали некоторые проблемы физики Солнца, а вечером мы гуляли по совершенно темным аллеям парка обсерватории. Неожиданно перед сном Ирине стало плохо. Мы недоумевали, что могло быть причиной, потому что весь день был безукоризненным. С трудом обошлись без медицинской помощи. Вскоре после отпуска я поехал с докладом в Звенигород на какое-то физическое мероприятие. По возвращении Ирина встретила меня серьезным сосредоточенным взглядом и, помолчав, сказала: „У нас будет ребенок“. От неожиданности я опустился на ближайший стул, потому что не держали ноги. Стала понятной и причина недомогания Ирины в гостинице обсерватории. Так начался самый значительный этап нашей семейной жизни. Отставив лыжи, в феврале следующего года мы совершали по волжскому льду вдоль берега многокилометровые пешие прогулки, благо Волга в те годы зимой основательно замерзала».

В марте Ирина Григорьевна поразила друзей и коллег, неожиданно запросив отпуск в связи с беременностью, — внешне она не подавала и намека на нужду в таком отпуске. Конечно, это было большой проблемой для Венедикта Петровича, временно лишавшегося незаменимого секретаря.

9 мая И. Г. еще медленно прогуливалась с В. И. по берегу канала вблизи Карманова, но рано утром 10-го ее срочно доставили в роддом. Вечером 10 мая в семье Ирины Григорьевны появился новый человек, здоровенькая и жизнерадостная девочка, редкое имя которой, Лада, было предложено ее мамой. Когда три дня спустя родители развернули пеленки, привезя Ладку домой, их поразило ее внимательный и осмысленный взгляд. В ближайшие дни она уже наслаждалась звуками имитации животных, которыми радовал ее изобретательный папа. Она постоянно меняла выражение лица, следуя блеянию козы или мычанию буйвола, и вообще поражала родителей богатством и выразительностью мимики.

Развивалась она стремительно, и уже в возрасте около двух лет запомнила все буквы алфавита и узнавала их на игрушечных кубиках. Путешествовать на машине Лада начала, когда ей еще не исполнилось и годика, и весной 1978 года приехала на ВАЗе в гости к бабушке в Кореиз. Там она и сделала первые шаги, направив их к Евгении Афанасьевне, протягивавшей к ней руки. К несчастью, Евгения Афанасьевна в следующем году ушла из жизни от разрыва сердечной аорты. Далее семья приезжала в Кореиз уже не в род-

По дороге в Крым. Апрель 1978 года

В гостях у бабушки. 1978 год

ной домик на Севастопольском шоссе, а в гости к подруге Ирины со школьных времен Светлане Титовой.

Дома в Дубне у Лады было множество игрушек, и среди них бандитствовала группа пиратов в больших черных шляпах, то и дело злодейски бравшая на abordаж все имевшиеся рядом суда. Как-то зимой Лада подхватила в яслях простуду, и пришлось вызвать на дом врача. Когда врач, сделав уколы, собиралась уходить и уже надевала шляпу, Ирина поднесла к ней для прощания Ладу. У той на глазах еще были слезы от обиды. «Тетя — пират, — сказала врачу Лада. — И еще в шляпе». Врач была шокирована таким сообщением

Ахтуба, 1983 год

Черное море

На берегу канала Москва–Волга

Перед выходом в детский сад. 1980 год

Солнечные ванны. 1980 год

и посоветовала не ускорять процесс развития ребенка. А его и не надо было ускорять, например, в детсадовский период своей жизни Лада любила напевать песни Высоцкого. Незнакомые слова она смело заменяла другими, близкими по звучанию, и пускала их в дело. Владимир Высоцкий: «Здесь вам не равнина — здесь климат иной. Идут лавины одна за другой». Лада Комарова: «Здесь

Семья в 1981 году

вам не равнина, здесь климат — не ной. Гремят половины одна за другой». Как-то во время прогулки около большеволжского пруда Лада сообщила родителям, что готовит сборник своих стихов под названием «Влага пруда». «Хорошее название, — одобрила мама. — Удачное название — уже половина дела».

Дорога в ясли, а позже в детский сад шла по аллее, где двигался поток сотрудников ОИЯИ, спешивших на работу. В.И. вез коляску с Ладой, и они не теряли время впустую, постоянно обсуждая разные вопросы. Любознательности Лады не было предела:

— Папа, а из чего сделаны эти столбы?

— Есть такой порошок, цемент. Его мешают с песком и заливают водой. Размешав в кашу, заливают в решетку из железа. Там она, постояв, затвердевает, и получается столб.

— А из чего сделана железная дорога?

— Из шпал и рельсов. На шпалы кладут длиннющие железные рельсы, чтобы хорошо катились колеса.

— А из чего делают людей?

— Людей ни из чего не делают. Они рождаются сами совсем маленькими, потом вырастают. Поэтому-то их так много.

Таким образом шедшие рядом сотрудники узнавали вместе с Ладой много нового.

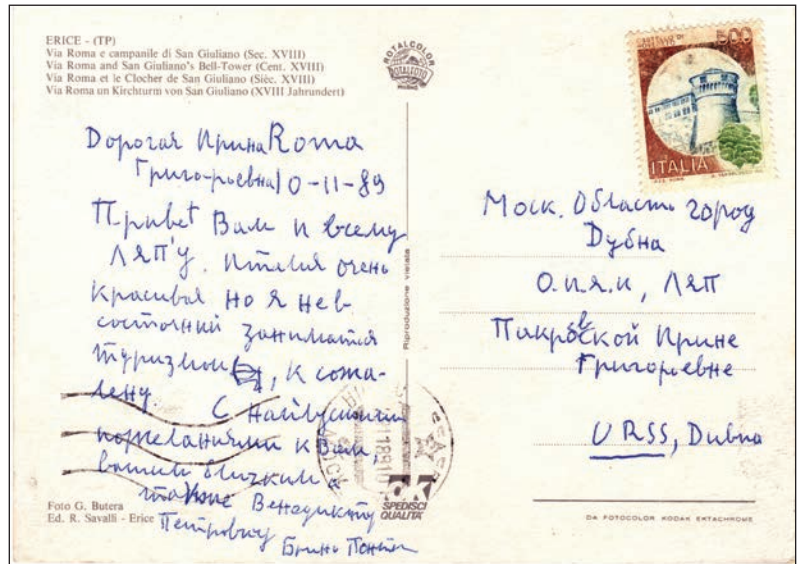
Школьная жизнь шла хорошо, поэтому родителей удивил неожиданный вызов вместе с Ладой в отделение милиции. Дежурный лейтенант усадил

На далеком Алтае. 1987 год

всех в кресла и обратился к Ладе: «Спасибо, Лада, что тебя волнуют вопросы безопасности на дорогах. Ты сделала очень хорошее предложение, и его надо бы выполнить. Но оно, к сожалению, очень дорогое. Придется подождать». Так родители узнали, что Ладу беспокоило, что школьники перебегают дорогу на красный свет, и она решила, что для безопасности лучше всего построить под дорогой в школу метро-тоннель. Соответствующее предложение она послала в редакцию «Пионерской правды». Внимательные сотрудники редакции переслали письмо с предложением в милицию по месту жительства.

В конце 1980-х годов рабочая нагрузка на Ирину Григорьевну постепенно уменьшалась, так как растущий дефицит финансирования в Институте быстро снижал научную активность. Ушла в прошлое и интенсивная работа с Бруно Максимовичем в связи с ухудшением его здоровья и поездками в Европу. Нарастала только общая нервозность и напряженность в работе. Лабораторию лихорадило, как и весь Институт. Так, научно-технический совет лаборатории митинговал несколько заседаний, противодействуя идее передачи всей деятельности по физике высоких энергий в лабораторию Векслера–Балдина. Такая передача означала бы гибель ЛЯП. Не меньшей бедой стало

Весточка от Б. М. Понтекерво из Италии. 1989 год

бы и преобразование в Лабораторию детектирования гравитационных волн. Такое преобразование предлагалось проектом А. Ф. Писарева, поддерживаемым и несколькими сотрудниками ЛЯП. Этот проект удалось отставить только после того, как на НТС ЛЯП было показано, что в нем ожидаемый эффект ошибочно преувеличен на много порядков величины.

На собрании сотрудников ЛЯП. Докладывает В. П. Джелепов.
И. Г. Покровская 4-я справа в первом ряду

Поздравления В. П. Джелепова с юбилеем

Институт накрыла волна перестроечной активности. В 1988 году КПП ОИЯИ принял решение о введении в Институте возрастных ограничений на замещение должностей руководящих работников. В связи с этим Венедикт Петрович Джелепов обратился в дирекцию ОИЯИ с просьбой освободить его от должности директора Лаборатории ядерных проблем. Как члена-корреспондента Академии наук В. П. перевели на должность почетного директора лаборатории. Новым директором был назначен болгарский физик Цветан

Вылов, который на первой же встрече с сотрудниками лаборатории сообщил им, что денег для финансирования научной работы нет и желающие заниматься наукой должны находить средства для этого сами. Ирина Григорьевна была переведена на должность руководителя группы административного отдела лаборатории. Ее главной обязанностью стало оформление диссертационных дел ЛЯП. Так как руководил диссертационным советом Венедикт Петрович, Ирина Григорьевна продолжала работать под его руководством.

«В свои 85 лет Венедикт Петрович был по-прежнему энергичен, деятелен, бодр и молод душой. Он ежедневно приходил в лабораторию и засиживался допоздна, активно участвовал в работе семинаров, проводил заседания ученого совета, встречался с молодыми учеными, выступал с докладами, писал воспоминания. Казалось, так будет продолжаться всегда. Однако времена меняются, а вместе с этим происходят изменения и в жизни человека. Когда стало известно, что Венедикту Петровичу предстоит оставить должность директора лаборатории, конечно, коллектив переживал. Вместе с тем радовал тот факт, что Венедикт Петрович остается с нами»*.

Тем временем дочь Ирины Григорьевны, Лада, окончила школу, и возник вопрос ее дальнейшего образования. По старой памяти ее отец, В. И., выпускник МГУ, заинтересовался возможностью Лады поступить туда на филологический факультет. Когда вместе с Ладой он приехал в МГУ на разведку, то был потрясен картиной царившей там разрухи. По никем не охраняемому зданию разгуливали группы веселых чеченских парней, а многие окна общежитий были разбиты или носили следы пожаров. В те же дни пришла новость о трагической гибели девушки, дочери знакомых сотрудников Лаборатории нейтронной физики ОИЯИ, которая поехала в Москву сдавать документы для поступления в вуз. Она была расстреляна автоматной очередью из легкой машины, проезжавшей мимо киоска, где девушка остановилась попить воды. Перспектива безопасно получить качественное образование в России, впадавшей в разруху, становилась сомнительной. В то же время появилась завидная возможность получить образование в США, стране, нацеленной на мировое господство. В те годы Дубна стала побратимом небольшого города Ла-Кросс штата Висконсин. Возникшие при этом связи помогли отправить туда Ладю. Она успешно прошла конкурс среди дубненских претендентов, получила американскую визу, а родители с денежной помощью Венедикта Петровича Джелепова купили ей авиабилет. Никаких долларовых накоплений

* Покровская И. Г. // Венедикт Петрович Джелепов. К 110-летию со дня рождения: Книга-альбом / М. Лукичев, Д. Ротенберг, С. Ражева (авт.-сост.). — Рыбинск: РМП, 2023. — С. 178.

Короткий отдых. Б. М. Понтекорво,
И. Г. Покровская

у них не было, а съедаемая инфляцией зарплата выдавалась в Институте нерегулярно. Так осенью 1993 года Лада стартовала в США в качестве участницы студенческого обмена, не имея никакой финансовой поддержки.

Той же осенью сотрудников ОИЯИ постигло несчастье ухода из жизни Бруно Максимовича Понтекорво. Более десяти последних лет жизни он тяжело страдал паркинсонизмом, и только огромная сила воли и духа позволяла ему преодолевать мучительную болезнь. 22 августа лаборатория торжественно отметила 80-летний юбилей Бруно Понтекорво. Однако уже к сентябрю его жизненные силы истощились. Он несколько раз приходил в лабораторию и был молчалив, спокоен и очень печален. За два дня до кончины, 26 сентября, он пришел в лабораторию к вечеру, попрощаться. Присел в директорской приемной за стол, за которым много лет работал вместе с Ириной Григорьевной. В отличие от многих прошлых лет в приемной кроме Ирины Григорьевны никого не было. После непродолжительного обмена грустными словами Ирина Григорьевна вышла из лабораторного корпуса вместе с Бруно Максимовичем, чтобы проводить его. Около проходной Б. М. ждал его сын Тито. Через два дня Бруно Максимович умер.

Вскоре после его ухода в Лаборатории ядерных проблем возникло естественное желание издать избранные труды Б. М. Понтекорво. Для этого было выбрано то же издательство «Наука. Физматлит» РАН, в котором Бруно Максимовичем были опубликованы труды Энрико Ферми. Редакторами-составителями стали С. М. Биленький, Т. Д. Блохинцева, И. Г. Покровская и М. Г. Са-

пожников. Несмотря на общие для страны экономические трудности, двухтомник удалось опубликовать уже в 1997 году*. В разделе воспоминаний второго тома были помещены и воспоминания Ирины Григорьевны «Судьба свои дары явить желала в нем...» (см. приложение А). Гонорар редакторам-составителям издательство выдало несколькими десятками экземпляров книги каждому. Англоязычная версия избранных трудов была издана в том же году итальянским издательством Societa Italiana di Fisica**.

В 1994 году Лада дополнительно к дубненской школе окончила американскую среднюю школу в Ла-Кроссе. Средств для оплаты учебы в колледже у родителей не было. Однако жители Ла-Кросса, узнавшие и полюбившие Ладу, полагали, что ей надо поступить в Витербо-колледж этого города. Плату за обучение и прожиточные средства взялась обеспечить группа горожан Ла-Кросса, собравшаяся для этого в ла-кросский «комитет помощи Ладе». Организацией этого комитета занимался Лэрри Вонгровен, семья которого приняла Ладу еще по обмену учащимися. Лэрри, ставший лучшим другом родителей Лады, регулярно присылал им факсы, где описывал успехи и трудности их дочери в годы учебы в колледже. Жизненных трудностей у нее было немало: приходилось регулярно подрабатывать, а необходимым в Америке автомобилем у нее был старый полугрузовик, подаренный ей семьей Вонгровенов. В 1998 году Лада получила в Витербо-колледже диплом по специальности менеджера (колледж к тому времени получил статус университета). Тогда же однокурсник Лады сделал ей предложение, и летом этого года Ирина Григорьевна впервые выехала в США — на свадьбу дочери.

В марте 1996 года Ирина Григорьевна решением председателя сессии КПП ОИЯИ Б. Г. Салтыкова и директора ОИЯИ В. Г. Кадышевского была награждена Почетным дипломом ОИЯИ.

* *Pontecorvo B. M.* Избранные труды: В 2 т. — М.: Наука. Физматлит, 1997.

** *Pontecorvo B.* Selected scientific works. Recollections on B. Pontecorvo. — Societa Italiana di Fisica. — Bologna, Italy, 1997.

Работа Ирины Григорьевны с Венедиктом Петровичем окончилась неожиданно и трагически. В начале марта 1999 года Венедикт Петрович был вполне здоров и лег в больницу только для удаления катаракты. Утром 12 марта его посетил давний знакомый, и они дружески пили чай. Вдруг Венедикт Петрович умолк, закрыл глаза и внезапно скончался — его жизнь в течение нескольких минут прервал тромб, попавший в сердце. Это несчастье стало тяжелым ударом для сотрудников Лаборатории ядерных проблем.

«За свою жизнь В. П. Джелепов проделал огромную работу на благо Лаборатории ядерных проблем, принес много добра людям, был нужен им, был ими любим и почитаем. И память о нем сохранится во многих благодарных сердцах его друзей, коллег, учеников»*.

Нельзя не вспомнить поистине отеческую заботу Венедикта Петровича о здоровье сотрудников его лаборатории. Создав в ней медико-биологический комплекс, он получил известность среди ведущих медиков Союза. Поэтому его обращения к ним с просьбой помочь в организации лечения тяжело заболевших сотрудников лаборатории находили положительный отклик. Ирина Григорьевна энергично помогала Венедикту Петровичу в этом жизненно важном деле. Наверное, и поэтому, говоря о Ирине Григорьевне, сотрудники зачастую с чувством называли ее «мамой лаборатории».

Только с уходом В. П. Джелепова Ирина Григорьевна решила закончить работу и в мае 1999 года покинула Институт (см. приложение Б).

* Покровская И. Г. // Венедикт Петрович Джелепов. К 110-летию со дня рождения: Книга-альбом / М. Лукичев, Д. Ротенберг, С. Ражева (авт.-сост.). — Рыбинск: РМП, 2023. — С. 188.

НА ЗАСЛУЖЕННОМ ОТДЫХЕ

44 года напряженного труда не проходят бесследно — уходя в отпуск, Ирина Григорьевна испытывала сильнейшую усталость. Кроме того, у нее очень ослабело зрение, что исключало написание текстов, а пальцы рук, изуродованные десятками лет работы за клавиатурой, не позволяли пользоваться печатной машинкой или компьютером. Сильнейшим естественным желанием становился заслуженный отдых. Основным его видом Ирина Григорьевна выбрала поездки по России и зарубежью. Отказавшись по зрению от вождения автомобиля, она нашла привлекательными поездки, проводимые Домом ученых ОИЯИ. У нее находились общие интересы со спутниками, а некоторые экскурсантки даже становились ее подругами. В результате удалось

Родные пенаты. «Чай» в Дубне

Дубненской зимой

хорошо ознакомиться со многими местами Подмосковья, Центральной России, Поволжья, Карелии, Вологодской, Архангельской и других областей.

Все годы отдыха Ирина Григорьевна поддерживала дружеские отношения с жителями Дубны. Она неоднократно участвовала в экскурсиях вместе с Людмилой Васильевной Мещеряковой или Аллой Васильевной Замолотчиковой. Многие дубненцы лично знали Ирину Григорьевну, и зачастую при встречах на улице ее приветствовали пожилые люди, в которых, иногда не сразу, можно было узнать коллег и знакомых из далеких времен. Ирина Григорьевна очень дорожила такими встречами. Несмотря на абсолютное отсутствие тщеславия, она была рада тому, что ее помнят сотрудники Лаборатории ядерных проблем. Юбилеи Ирины Григорьевны с уважением отмечали приказа-

На выездной сессии Отделения физических наук РАН, посвященной 100-летию со дня рождения Б. М. Понтекорво

ми директора ЛЯП, глав Дубны и Московской области. Ее часто приглашали на различные торжественные мероприятия в лаборатории и Институте.

Очень полезными оказались контакты с немецким научным центром FZ (Forschungs Zentrum) в Юлихе, с которым многие годы сотрудничал В. И. Весной 2001 года И. Г. получила визу в ФРГ и два месяца жила в гостинице FZ.

В Берлине

Встреча с немецкими коллегами

В Мюнхене

Версальский ансамбль, 2003 год

В Версальском дворце

Нотр-Дам-де-Пари, 2002 год

Париж, 2002 год

Париж, 2002 год

На берегах Луары. Франция, 2003 год

Юлих оказался для И. Г. центром знакомства с Западной Европой. Не говоря уж о ближайших к Юлиху Кельне, Бонне и Аахене, И. Г. с В. И. ездили в Нюрнберг, Эрланген и небольшие немецкие города, такие как Бад-Кройцнах, Бад-Мюнстер, Дюрен и др. Автобусные экскурсии позволили посетить Бельгию (Брюссель, Брюгге), Голландию, Францию (Париж).

Весной 2002 года поездка И. Г. в Германию была повторена, и она снова два месяца жила в Юлихе. И в этот раз было организовано множество поездок по Германии и даже экскурсия в Зальцбург (Австрия). В Париже побывали с экскурсией в Версале, а поездки по Франции включали незабываемое знакомство с долиной Луары и веером исторических замков на ее берегах. В Германии удались замечательные путешествия по Рейну и Мозелю.

Ирина Григорьевна поддерживала дружеские отношения со многими немецкими физиками, с которыми работал В. И. Особенно теплые и прочные отношения сложились с Томасом Штилером еще со времен его работы в Дубне в 1970-е годы под руководством В. И. (их совместные усилия тогда были направлены на поиск и открытие кумулятивного выбивания из ядер протонных пар). Во время визитов И. Г. в Германию она сблизилась с семьей Штилеров, посетив их в Эрлангене. У нее сложились теплые отношения с русской супругой Томаса, Мариной, а сам Томас неизменно поздравлял Ирину Григорьевну с днем рождения вплоть до ее юбилейного 90-летия.

Эрланген, ФРГ. В гостях у семьи Штилеров. Слева направо:
Марина Штилер, И. Г. Покровская, В. И. Комаров и дочь Марины
София

Юлих, ФРГ. Встреча с семьей А. Качаравы

Ирина Григорьевна поддерживала дружеские отношения с немецкими коллегами В. И. и во время их визитов в Дубну уже в 2000-х годах. Так, они вместе посетили Ростов Великий во время встречи сотрудничества ANKE в Дубне.

Экскурсия коллаборации ANKE в Ростов Великий. И. Г. Покровская в первом ряду вторая справа

Южная Дакота, США. В. И. Комаров, И. Г. Покровская с дочерью Ладой

В широком спектре заграничных поездок и путешествий Ирины Григорьевны безусловно первое место занимали поездки в США. Лада проявила себя исключительно любящей и заботливой дочерью. Ее деловой успех в Америке был делом ее собственных рук, она продвигалась вперед и преодолевала препятствия исключительно своими усилиями. И, несмотря ни на какие жизненные сложности, она систематически, из года в год организовывала приезд в Америку своих родителей. Забота о маме всегда была ее главным приоритетом, а встреча с ней — постоянной потребностью. В результате родители

Висконсин, США. В гостях у семьи мужа Лады Адама

Хадсон, Висконсин, США.
На террасе дома Лады

В гостях у Лады.
С ши-тцу Пумой и Лили

провели у нее в гостях в самых разных местах США суммарно не один год. Висконсин и Флорида, Нью-Йорк и Нью-Джерси, Калифорния и Южная Дакота, Массачусетс и Иллинойс, Миннесота — во всех этих штатах США довелось побывать Ирине Григорьевне. И везде Лада обеспечивала ей комфортное и приятное проживание. Особенно счастливое время Ирина Григорьевна провела в собственном доме Лады в городе Хадсон штата Висконсин в десятые годы XXI века. В этом доме она была окружена любовью и заботой всей семьи Лады и стремилась участвовать в воспитании внучек — Софии и Майи.

ЭПИЛОГ

Жизненный путь Ирины Григорьевны Покровской закончился в Дубне в возрасте 91 года 9 марта 2024 года.

Подводя итог работы И. Г. Покровской в Объединенном институте ядерных исследований, можно сказать, что в ее работе ярко проявился комплекс качеств, необходимых для истинного успеха в мире науки: исключительное трудолюбие и любознательность, глубокое уважение к науке и неизменно дружелюбное внимание к человеку.

Ирина Григорьевна останется ярким примером настоящего служения науке и заслуженного успеха в необходимой для ученых работе.

Память об Ирине Григорьевне будет жить в сердцах знавших ее людей. Результаты ее работы сохранятся как вклад в сокровищницу человеческих знаний.

Приложение А
И. Г. Покровская
«Судьба свои дары явить желала в нем...»*

— Доброе утро, Айрина Григорьевна, какие новости?

Без малого сорок лет с этого телефонного приветствия начинался мой рабочий день.

Долгое время Бруно Максимович произносил моё имя на английский манер, пока не заметил, что сказать «Ирина» просто по-русски гораздо легче. И возмутился шутливо: «Опять Вы меня не поправляете! Сколько лет я ломаю себе язык, когда можно сказать так просто! Учтите, это Вы виноваты в том, что я плохо говорю по-русски: Вы научились хорошо меня понимать и никогда не поправляете».

По записной книжке Б. М. мы уточняем распорядок его дня. Я знаю: если его планы изменятся, он непременно меня найдет, чтобы предупредить об этом. Он очень пунктуален в отношениях с людьми и высоко ценит чужое время.

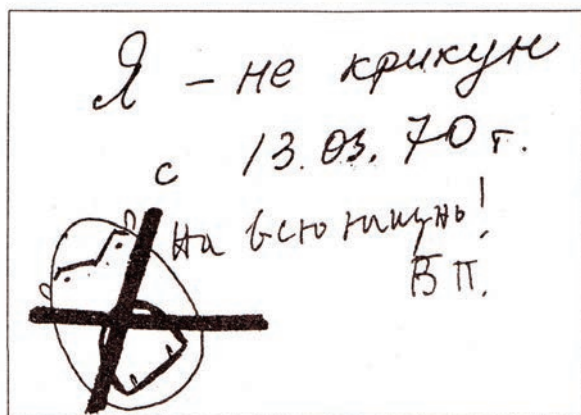
Карманная записная книжечка, подаренная кем-то Бруно Максимовичу, была рассчитана на два года и очень ему нравилась этой своей особенностью, позволявшей сравнивать записи. Он носил ее при себе и регулярно бисерным почерком по-итальянски в колонке под соответствующим числом вел записи о текущих делах, событиях, впечатлениях. Получалось вроде дневничка. Когда книжечки исчезли из продажи в Москве, нам привозили их из Ленинграда, а потом мы стали делать их сами. Б. М. вел эти записи практически до последних дней...

Вскоре после звонка в лаборатории появляется и сам Бруно Максимович — всегда элегантный, приветливо улыбающийся своими мягкими итальянскими глазами. В раннем возрасте, рассказывал Б. М., он подслушал разговор родителей, обсуждавших достоинства своих детей. О себе он услышал следующее: «Самый ограниченный. Глаза добрые, но не умные».

Бруно Максимович расстроен: «Я сегодня опять кричал», — говорит он. Уже знаю об этом. Мне позвонили из служб административного корпуса, куда он заходил по пути в лабораторию, и рассказали, что Б. М. сердился и они не поняли, чего он хотел. Как правило, он хотел, чтобы письмо, присланное на его имя, которое он ждал, было доставлено ему немедленно, а не через два дня.

* *Понтекорво Б. М.* Избранные труды: В 2 т. — М.: Наука. Физматлит, 1997. — Т. 2. — С. 244–251.

Бруно Максимович был нетерпим к проявлению техническим персоналом небрежности, нетактичности и необязательности в работе. Мог вспылить и даже накричать. Всегда по делу. И всегда огорчился потом и переживал, что не сумел сдержаться. Но поводов было достаточно. В моей картотеке сохранилась карточка, на которой я когда-то нарисовала орущую рожицу, перечеркнув ее жирно крест-накрест, и написала: «Я — не крикун!» Бруно Максимович добавил: «На всю жизнь!» И поставил свои инициалы. Вот она:

Когда в моем присутствии атмосфера начинала накаляться, я доставала эту карточку и помахивала ею в воздухе. И Б. М. улыбался. С годами он становился все снисходительнее и сердился реже и реже, а только огорчался...

— Когда у Вас будет свободное время, — говорит Б. М., — мы напишем короткое письмо.

Именно когда у меня будет свободное время. То же самое было с Владимиром Иосифовичем Векслером. Мне довелось несколько раз работать с ним в отсутствие его стенографистки. Он звонил из своей лаборатории и «подстраивался» под мое свободное время, чтобы приехать поработать со мной. Особая порода людей.

Все годы мне задают один и тот же вопрос: «Скажите, как Вы с Бруно Максимовичем пишете научные статьи? Вы — не физик, он не владеет русским языком... А получается?!» И смотрят на меня проницательно.

Что я не физик — это точно. Еще какой нефизик! В детстве, по традиции нашей семьи, собиралась стать актрисой и с физикой не только в ладах не была, а прямо заявила однажды учителю, что учить ее не буду, так как она мне никогда не пригодится. «Как знать», — сказал он мне тогда. И как в воду глядел. Сорок лет живу и работаю среди физиков и ничуть об этом не жалею.

Как мы работаем? А очень просто. Сидим мы с Бруно Максимовичем за моим рабочим столом в нашей всем знакомой приемной, друг против

друга. Между нами два телефона, два «бультерьера» разного окраса на поводках. В приемной три двери. Телефоны трезвонят, двери хлопают непрерывно: дзынь-хлоп, дзынь-хлоп... Нормальная рабочая обстановка. Ничуть не мешает. Каждую минуту в приемную кто-то входит, и мы мгновенно, без всяких затруднений переключаемся на проблемы вошедшего. Мы любопытны и доброжелательны. Обязательно вовлекаем присутствующих в дискуссию о том, какое именно слово в данном контексте было бы правильнее всего употребить. Если подходящего выражения ни у кого не находится, намечаем «жертву» и звоним ей по телефону.

Пишем пофразно, каждую фразу шлифуем окончательно и только тогда переходим к следующей. Это процесс более длительный, но зато и более интересный. Он позволяет потом практически не возвращаться к написанному. Мы пришли к такому варианту как к наилучшему во время работы над изданием научных трудов Энрико Ферми в 1970-х годах. Это была большая работа. Она заняла у нас несколько лет.

Итак, Бруно Максимович произносит первую фразу. Конечно же, я не понимаю НИЧЕГО. Он прекрасно это знает и терпеливо, подробно и доступно объясняет суть дела. Он говорит: «Если Вы не понимаете, что это значит, я плохо сказал. Объяснить популярно можно любую проблему, какой бы трудной она ни была». Сажу и слушаю. Иногда задаю вопросы. Часто разговор уходит далеко в сторону. Как я люблю эти минуты! Как благодарна судьбе за них!

Наконец, мы возвращаемся к нашей фразе.

— Понятно? — спрашивает Б. М.

— Понятно, — отвечаю тоскливо.

— Тогда давайте, — говорит он и носком ботинка выбивает под столом «барабанную дробь» нетерпения.

Знаю, знаю — пустого времени Бруно Максимович не любит, и торопливо извлекаю из себя интуитивную группу отдельных слов. Как коршун, стремительно взлетает он на это «стадо», выхватывает из него ОДНО нужное ему слово, добавляя к нему все остальные, и выстреливает ими в меня.

О, писать быстро я умею! Секунда — и фраза на бумаге!

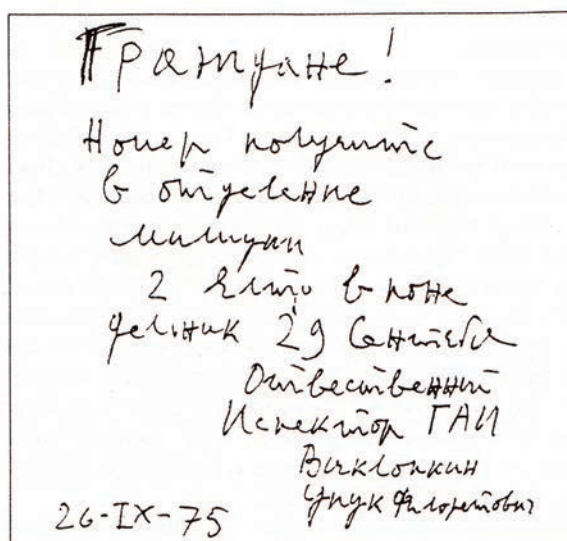
— Bravo, — говорит Бруно Максимович. — Вы замечательный физик!

И мы переходим к следующей фразе.

Летом последнего года его жизни я спросила Бруно Максимовича, как он объясняет тот факт, что писать совместно нам было легко уже с самого начала. Первая публикация в «УФН» в 1955 году, написанная с моей помощью, вышла через четыре месяца после моего появления в лаборатории. И он сказал: «Мы одинаково думаем».

На самом деле русский язык Бруно Максимович освоил быстро и знал превосходно. Безошибочно чувствовал смысловые оттенки и всегда выбирал самые точные и самые красивые русские слова и выражения. Но в разговорной речи не утруждался. (Разумеется, я не имею в виду научные разговоры.) Падежности не соблюдал, мог поменять местами или вовсе опустить слоги, произнести первую часть слова правильно, а вторую — как получится, заменяя слова схожими, но — так уж выходило! — более комичными по звучанию.

Когда мы работали над воспоминаниями о Э. Ферми, Б. М. продиктовал такую фразу: «Так, без *печки* Ферми работал всю зиму...» Я записала, недоумевая, зачем ему понадобилось вставлять ее в строгий физический текст, но тут же решила, что Б. М. хочет попутно отметить «героизм» Ферми, работавшего в суровых условиях. Когда все выяснилось и пресловутая «печка» уступила место законному слову «спешка», мы долго смеялись. Эта его манера «играть словами» всегда оставляла впечатление, что он делает это нарочно. Помню, как однажды вместо слова «паук» Б. М. сотворил забавное слово «упук». Очень оно нам понравилось, и в дальнейшем мы часто употребляли его в самых разных ситуациях. Вот какую записку нашли мы однажды на стекле своей автомашины, оставленной на обочине дороги вблизи Фороса в Крыму, где любили бывать во время отпуска:

Французе!
Номер попутитс
в отделение
милиции
2 этаж в конце
Челюскин 29 сентября
Ответственный
Инспектор ГАИ
Выключкин
Франук Филаретович
26-IX-75

Мы сразу поняли, что Б. М. в Крыму и скоро появится в гости с грандиозными планами подводной охоты.

Я родилась и выросла у Черного моря. С детства хорошо плаваю под водой на дальность и глубину, но сказочную красоту подводного мира по-настоящему узнала только в 1960-х годах, когда Б. М. подарил мне маску и ласты — уникальное по тем временам в нашей стране подводное снаряжение.

Бруно Максимовича называли отцом (а с возрастом дружески — дедушкой) подводного спорта Советского Союза. Подводной охотой он увлекался до 1980-х годов, и не только на Черном море. Был с экспедицией на Тихом океане, в Подмосковье знал все речки с прозрачной водой. У него был гидрокостюм «Калипсо», ласты и маски нескольких типов и масса всякого подводного снаряжения: специальный пояс с регулируемым грузилом, нож для акулы, подводный фонарь, сетка для рыбы, множество разноцветных плотно упакованных пакетиков, прикреплявшихся к поясу, на которые при возникновении опасности на глубине следовало слегка нажать, и они должны были раздуться в большие пузыри и вытолкнуть пловца на поверхность (попытки убедиться в этом никогда не имели успеха). И, конечно, большое количество подводных ружей и пик с самыми разными наконечниками.

Ритуал надевания всего этого на себя происходил медленно и торжественно. Сначала все снаряжение, разноцветное и сверкающее на солнце, раскладывалось на берегу в порядке очередности. Тотчас же место действия брали в кольцо любопытствующие всех возрастов. Усаживались на корточки, и открывалась дискуссия. Все разрешалось потрогать, примерить. Однажды после таких «смотрин» исчезло миниатюрное действующее подводное ружье, искусно изготовленное в наших лабораторных мастерских, с монограммой — подарок к 50-летнему юбилею. Б. М. огорчился всего на минуту, а потом весело поздравил местных пацанов с хорошим приобретением.

Каждый раз серьезно обсуждалось: надевать «Калипсо» целиком или только часть, какой закрепить на стрелу наконечник, брать или не брать с собой тот или иной предмет. И, наконец, «в случае чего» бралось с собой все, и обязательно любимый двухметровый трезубец. Облачение заканчивалось. Б. М. тяжело вздыхал и шел в воду, сопровождаемый восторженными взглядами. Начиналась большая игра в подводную охоту. Улов не имел особого значения, а его частое отсутствие совсем не огорчало Б. М. Но были и неслыханные удачи, например, знаменитые два белых горбыля, пронзенные одним выстрелом у прибрежных скал Гурзуфа, — событие, о котором местные рыболовы вспоминали несколько лет.

Осенью, когда прохладная вода в водоемах больше не манила, с тем же азартом переключался Бруно Максимович на грибную охоту. Особенно любил собирать шампиньоны, что было менее сложно, надо было только правильно вычислить поле. Ездили несколькими машинами. Б. М. надевал сванскую шапочку и брал с собой две-три внушительные корзины и несколько поменьше. И случалось-таки всем им быть наполненными до краев!

Вечером за большим овальным столом гостинной комнаты коттеджа Б. М. устраивалось грибное пиршество. И разговор неизменно возвращался к воспоминаниям о том, что раньше в Италии грибов не ели вовсе, так как считалось, что все они ядовитые. «Жаль мне этих бедных итальянцев», — говорил Б. М., наслаждаясь ароматным блюдом.

Если с грибами не повезло — под надзором хозяина дома готовили спагетти, строго соблюдая требование: «Соус не должен быть вкуснее макарон!» Из огромной кастрюли раскладывал спагетти по тарелкам сам Б. М. И, конечно, как мы ни старались, не было у него соперников в изящном искусстве владения вилкой при их поглощении.

Бруно Максимович любил быть среди людей, он был очень доброжелательным и приветливым человеком. Никого не поучал и мнения своего не навязывал, хотя убедить стремился, и не без настойчивости. Однако чаще всего терпеливо выслушает, посмотрит долгим взглядом и скажет: «Вероятно, Вы правы». Красноречивым оратором, раскованным, свободно водящим аудиторию по лабиринту своих воспоминаний и размышлений, не был никогда, даже в поздние годы. Речь его была немногословной, чистой, а суждения так интересны и оригинальны и выражены так ясно, конкретно и в такой благородной манере, что беседа с ним была подлинным наслаждением. На вопросы отвечал всегда.

Был Бруно Максимович человеком очень скромным, а из малого, чем позволял себе гордиться (да и то молча!), был мускул на правой руке — результат его огромной любви к теннису в юности. Такого здесь не видал никто! Он был исполинских размеров и такой твердый, что, казалось, жил на руке собственной величавой жизнью. Когда Б. М. напрягал руку, а мы почтительно тыкали в мускул пальцем, казалось, что мы прикасаемся к булыжнику. И глаза Б. М. лукаво блестели. С годами мускул стал опадать и затем исчез вовсе.

Вскоре после организации ОИЯИ Дубна «открылась», и бурным потоком хлынули в нее толпы, группы и одиночки кино-, фото- и радиоработников, журналисты, писатели, художники — именитые и не очень. Они сидели на семинарах, присутствовали на сеансах на ускорителях, рисовали, фотографировали, брали интервью и во все глаза глядели на этих «таинственных» физиков. И, конечно, все искали встречи со знаменитым Понтекорво. Помню, какое огромное впечатление производил на меня неизменно категорический отказ Б. М.: «Извините, у меня принцип: я не даю интервью». Или: «Портрет при жизни? Никогда!» Находясь под волшебным обаянием его личности, теми же словами ответила и я художнику, предложившему написать мой портрет. Теперь смешно и жалко.

Примерно в то же время бушевали по Москве поэтические диспуты. И в Дубне встречи с известными поэтами собирали огромную аудиторию. Физики и лирики состязались в остроумии, «оспаривая превосходство».

Широкая любовь к поэзии вызывала у Бруно Максимовича восхищение. Он говорил, что нигде не видел такого увлечения стихами, как в России. Советовал, что не всегда понимает стихи. И бурно радовался умению многих сочинять стихи и стихотворные послания по случаю.

Однажды он пришел на работу с листком бумаги в руках и сказал, что будем писать юбилейное поздравление в стихах, а начало он уже сочинил:

Пусть иные говорят —
Многовато пятьдесят!
Мне поверь, что с этих лет
Лишь начнется твой расцвет!

По-видимому, это было единственное поэтическое произведение Бруно Максимовича, написанное им самим. Чем он, не скрывая, гордился.

Начало этого стихотворения стало у нас дежурным. Мы использовали его в подходящих случаях, изменяя при необходимости цифру. Дальнейшее же содержание стиха всегда было строго индивидуальным.

Поэтическим азартом мы были охвачены довольно долго и даже пытались разговаривать стихами.

Много позже, когда Б. М. уже начал болеть, московские друзья уговорили его воспользоваться услугами известной целительницы Джуны. После нескольких сеансов он вернулся в Дубну.

— Знаете, — сказал он, явно стесняясь, — а массаж был очень хорош...

И мы тут же сочинили маленький стишок:

Синьора Джуна лечит Бруно?
Ах, какой анекдот!
Повезет – не повезет?

Не повезло...

В обыденной жизни любил Бруно Максимович озорничать. Дня не проходило без проказ. Существует много воспоминаний о его шутках и розыгрышах, которые ему всегда удавались. Помню первую шутку со мной. В самом начале моей работы в Дубне Б. М. предложил однажды подвезти меня на обеденный перерыв на своем велосипеде. Я села на багажник, и мы тронулись. Все шло нормально до тех пор, пока навстречу нам не попадалось знакомое лицо. Тут Б. М. припадал к рулю, стонал, с трудом ворочая колеса, заваливал велосипед набок, тер лоб носовым платком — словом, всячески давал понять, что «поклажа» слишком тяжела. Как только по изумленному выражению лица

прохожего Б. М. убеждался, что эффект достигнут, мы начинали передвигаться нормально. При новой встрече все повторялось. Я была очень застенчива в ту пору и, пунцовая от смущения, тряслась на багажнике через весь город.

Уже в солидном возрасте, в 1980-х годах, узнав, что моя пятилетняя дочь посетила два занятия английским языком, Б. М. тотчас позвонил ей по телефону «прямо из Америки» и, назвавшись американским мальчиком, стал оживленно на английском языке о чем-то расспрашивать оцепеневшую кроху.

Мне кажется, что Бруно Максимович был самым жизнерадостным из всех опечаленных людей на свете.

Летом 1978 года, впервые после 28-летнего перерыва, Бруно Максимович возвратился в Италию. Всего на несколько дней. С тех пор он посещал родину часто, а в последние годы проводил там длительное время. Он был переполнен впечатлениями о новой для себя Италии, которую покинул страной бедной, а вновь увидел страной процветающей. Особенно восторженно говорил о посещении многочисленных старинных маленьких городков, сохранивших свой средневековый облик, которые он очень любил и которые раньше не знал вовсе. Встречали Бруно Максимовича с неизменным почетом. Он читал лекции студентам, участвовал в работе конференций и совещаний.

* * *

Господи, как не хочется приближаться к неизбежному печальному завершению моего малого повествования! Но несколько слов.

Первые признаки болезни Паркинсона дали о себе знать как раз по возвращении Бруно Максимовича из Италии в 1978 году. И с тех пор болезнь прогрессировала неустанно. И только благодаря мужеству Бруно Максимовича, боровшегося с ней практически один на один до самого конца, не поддаваясь отчаянию (во всяком случае, никогда на людях), несмотря на мучительное, порой беспомощное состояние, только благодаря его огромной силе воли и духа он жил среди нас еще 15 лет.

Последний раз Бруно Максимович возвратился из Италии в конце июля 1993 года. Мы ждали и готовились к его 80-летнему юбилею, который состоялся 22 августа, в день рождения, в лаборатории — многолюдно, торжественно, с искренней любовью и уважением.

А уже в первых числах сентября, как-то в один день, в облике Бруно Максимовича явственно проступила необратимая зловещая тень. Первым все понял он сам. Он приходил еще несколько раз в лабораторию. Был молчалив, спокоен и очень печален. Говорил, что никому не хочет мешать. Впрочем, это он повторял и всю жизнь.

За два дня до смерти Бруно Максимович пришел в лабораторию к вечеру. Попрощаться. Была золотая осень, он смотрел в окно на желтые березы. «Какая красота», — сказал грустно. Потом я провожала его до проходной, где ждал сын Тито, и мы шутили по дороге. А через два дня его не стало.

В день похорон, 29 сентября, валил хлопьями мокрый снег и ледяной ветер свирепствовал в кронах деревьев, пронизывая до костей. Природа плакала или возмущалась... Рано утром в Доме культуры убрали траурный зал. Драпировали люстру. Еще не было цветов. И все валилось из рук. Привезли Бруно Максимовича... Постепенно стали собираться люди. Звучал Моцарт, произносили слова...

Прощайте, дорогой Бруно Максимович — целая эпоха в науке, жизни многих людей и в моей судьбе.

Приложение Б
Приказ директора ОИЯИ В. Г. Кадышевского

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

П Р И К А З

г. Дубна

16.06.99г.

№ 2043 „Кс“

По личному составу

1 июля 1999 года – дата окончания работы в Лаборатории ядерных проблем Объединенного института ядерных исследований руководителя группы, технического секретаря Диссертационного докторского совета Лаборатории Ирины Григорьевны Покровской.

Профессионал высшей квалификации И.Г.Покровская начала свою трудовую деятельность в Институте ядерных проблем АН СССР в 1955 году после блестящего окончания Высших центральных курсов стенографии в Москве.

В течение 45 лет своей работы в Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ Ирина Григорьевна бесменно исполняла обязанности секретаря директора этой крупнейшей Лаборатории В.П.Джелепова, отличаясь высокой инициативностью, образцовой ответственностью и редкой работоспособностью.

Она в совершенстве владеет стенографией и машинописью, обладает высокой деловитостью и умением работать в большом коллективе. Это позволяло ей со скрупулезной четкостью и завидной организованностью выполнять большой и разнообразный по характеру объем работ, связанный с обширным потоком научно-технической и административной информации.

Одновременно с этим И.Г.Покровская на самом высоком уровне исполняла задания по оформлению текущей документации Диссертационного докторского совета по защите диссертаций и Ученого Совета Лаборатории по присвоению ученых званий, а также выполняла стенографические работы важных заседаний Комитета Полномочных представителей и Ученых Советов ОИЯИ.

По приглашению Государственного комитета по использованию атомной энергии, Ирина Григорьевна неоднократно привлекалась к работе в группу технического обслуживания конференций МАГАТЭ в Вене (Австрия).

Неоценим вклад Ирины Григорьевны в работу по увековечению памяти выдающегося физика современности академика Б.М.Понтекорво, где она принимала самое активное участие в создании двухтомного сборника его трудов, а также воспоминаний учеников и соратников о Бруно Максимовиче.

И.Г.Покровская – очень интеллигентный человек, обладающий, к тому же, незаурядным и острым умом. С большим тактом, легко и непринужденно она общается с людьми любого ранга и звания, отличается умением создавать доброжелательную рабочую атмосферу, ее приветливость и готовность помочь знают все, кому доводится с ней общаться.

Благодаря этим качествам Ирина Григорьевна Покровская пользуется огромным авторитетом и глубоким уважением не только в коллективе Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ, но и среди ученых многих ядерных центров России и зарубежья.

За успешную работу И.Г.Покровская неоднократно выдвигалась на доску Почета Лаборатории и Института и отмечалась премиями и благодарностями.

От имени дирекции Института желаю Ирине Григорьевне доброго здоровья, личного благополучия и счастья на многие годы.

За добросовестную и многолетнюю работу в Институте и в связи с уходом на заслуженный отдых

п р и к а з ы в а ю :

руководителю группы Лаборатории ядерных проблем Объединенного института ядерных исследований Ирине Григорьевне ПОКРОВСКОЙ объявить благодарность и премировать в размере 6000 рублей.

Директор Объединенного института
ядерных исследований
член-корр. АН РАН, профессор

В.Г. Кадышевский

В.Г.Кадышевский

Приложение В

Из газеты «Дубна: наука, содружество, прогресс»

Ветераны нашего Института

Поздравляем, коллега!

Ирина Григорьевна Покровская, секретарь и незаменимый помощник трех крупных ученых нашей лаборатории, 24 мая отмечает свой юбилей.

Она родилась в 1932 году в Крыму, поселке Кореиз Ялтинского района, в семье профессиональных драматических актеров Григория Георгиевича и Евгении Афанасьевны Поликарповых. В сентябре 1941 года отец Ирины Григорьевны поступил добровольцем в Красную Армию. В ноябре того же года, защищая Родину от фашистского нашествия, он погиб в боях под Керчью. Только ценой невероятных усилий удалось Евгении Афанасьевне во время германской оккупации

Крыма сохранить дочери жизнь. Несмотря на тяжесть послевоенного времени, Ирина уехала на учебу в Москву и поступила на Высшие центральные курсы стенографии Министерства высшего образования Советского Союза. Она окончила их, получив специальность стенографа высшей квалификации.

В июне 1955 года была зачислена на должность секретаря директора Института ядерных проблем Михаила Григорьевича Мещерякова. В июне 1956 года Институт был преобразован в Лабораторию ядерных проблем ОИЯИ, а Ирина Григорьевна переведена на должность секретаря директора лаборатории Венедикта Петровича Джелепова. Она была его постоянным помощником вплоть до его ухода из жизни в 1998 году. Только тогда, в 1999 году, она оставила работу в Институте (медали «Ветеран труда» она была удостоена еще в 1987 году).

С 1955 по 1993 годы Ирина Григорьевна одновременно исполняла обязанности секретаря-референта Бруно Максимовича Понтекорво. Она активно помогала ему готовить к публикации труды Энрико Ферми, а также была одним из редакторско-составителей избранных трудов Бруно Понтекорво. В течение 45 лет И. Г.

Покровская бесменно оформляла документацию Докторского совета по защите диссертаций, заседаний Комитета полномочных представителей и Ученого совета ОИЯИ. По приглашению Государственного комитета по использованию атомной энергии Ирина Григорьевна неоднократно принимала участие в работе группы обслуживания конференций МАГАТЭ в Вене.

Профессионализм и высокий уровень самоорганизованности позволяли Ирине Григорьевне выполнять большой объем работ в самых разных областях. При этом она всегда благожелательна и неуклонно выполняет любое взятое на себя обязательство. Ирина Григорьевна ценила уважение сотрудников Института независимо от званий и должностей и всегда искренно стремилась помогать любому, кому была нужна ее помощь. Благодаря этим качествам Ирина Григорьевна получила огромный авторитет и глубокое уважение не только в коллективе Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ, но и среди ученых многих ядерных центров России и зарубежья. За успешную работу ее фотографии неоднократно размещались на доске почета Лаборатории и Института. Ирина Григорьевна также была отмечена Почетным дипломом за заслуги перед Объединенным институтом ядерных исследований.

В дни юбилея коллеги и друзья Ирины Григорьевны сердечно желают ей здоровья и праздничного настроения!

Приложение Г Письма, награды

 INTERNATIONAL ATOMIC ENERGY AGENCY
AGENCE INTERNATIONALE DE L'ENERGIE ATOMIQUE
МЕЖДУНАРОДНОЕ АГЕНТСТВО ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ
ORGANISMO INTERNACIONAL DE ENERGIA ATOMICA

VIENNA 1, KAERNTNERRING, AUSTRIA
TELEPHONE: 52 45 25. CABLE: INATOM
Ref.: Pern/Temp/911 Vienna, 17 October 1961

Dear Mrs. Pokrovskaja,

This is to inform you that your contract, dated 27 September - 7 October 1961 has now been extended to 20 October 1961 incl.

If you are prepared to accept this extension, please return all copies of this letter, duly signed, keeping the original for your own record.

Yours sincerely,

W. Alder,
Personnel Officer

Signature of Staff Member

Budget Code:
Temporary Assistance

Mrs. Irina Pokrovskaja
Russian Typing Pool
IARA

ag

P - 48 (Rev 61)

 INTERNATIONAL ATOMIC ENERGY AGENCY
AGENCE INTERNATIONALE DE L'ENERGIE ATOMIQUE
МЕЖДУНАРОДНОЕ АГЕНТСТВО ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ
ORGANISMO INTERNACIONAL DE ENERGIA ATOMICA

Commissary: Authorized
Budget Code: D General Conference

VIENNA 1, KAERNTNERRING, AUSTRIA
TELEPHONE: 52 45 25. CABLE: INATOM
ST/63 - 337/ML/A/ag
LD/R63/123

LETTER OF APPOINTMENT*

TO: Mrs. Irina POKROVSKAYA Permanent Residence Moscow, U.S.S.R.

You are hereby offered a DAILY SHORT-TERM APPOINTMENT with the International Atomic Energy Agency in accordance with the terms and conditions specified below and subject to the SPECIAL STAFF RULES governing conference and other short-term service with the Agency, together with such amendments as may from time to time be made to such Special Staff Rules. A copy of the Special Staff Rules is available upon request.

1. Initial Assignment: Functional Title: Typist
Department: Administration
Division: Languages (Russian steno-typing Unit)
Official Duty Station: Vienna
Effective Date of Appointment: 24 September 1963
Expiration Date: 4 October 1963

This daily short-term appointment may be terminated prior to the above expiration date in accordance with the relevant Special Staff Rules in which case the Agency will give three (3) days' notice in writing. In case of summary dismissal for disciplinary reasons no notice shall be given.

2. Remuneration: In full consideration for the services performed by the staff member the Agency shall pay the staff member 312.- Austrian Schillings per day. If the staff member is absent from work without authorization he shall not be paid for such period as he is absent. Overtime will be compensated and night differential will be paid in accordance with the relevant provisions of the Special Staff Rules. The Agency will not reimburse the staff member for income taxes levied on the above salary.

3. Hours of Work: The normal working week consists of forty (40) hours, spread over five or six days. The staff member must be prepared to work in shifts including night duty, and work overtime, including Saturdays and Sundays, as the exigencies of the service may require.

4. Rights and Obligations: The rights and obligations of the staff member are strictly limited to the terms and conditions set forth in this letter of appointment and in the relevant Special Staff Rules. Any special conditions agreed to are listed under paragraph 6 below.

5. Travel: Travel costs of non-locally recruited short-term staff members will be reimbursed in accordance with the relevant provisions of the Special Staff Rules. In addition the staff member shall be paid AS 416.- to cover subsistence en route and incidental travel expenses.

6. Special Conditions:

24 September 1963
Date

G. Barlocher, Personnel Officer
(for the Director of Personnel)

TO: The Director of Personnel, International Atomic Energy Agency

I hereby accept the appointment described in this letter, subject to the conditions therein specified and to those laid down in the Special Staff Rules governing conference and other short-term service with the Agency.

24 10 1963
Date

Appointee

ПОКРОВСКОЙ ИРИНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Глубокоуважаемая Ирина Григорьевна!

26 марта 2006 года исполняется 50 лет со дня основания
Объединенного института ядерных исследований.

От имени дирекции ОИЯИ выражаю Вам благодарность за Ваш личный
вклад в развитие Института, долголетний и добросовестный труд.

Желаю Вам крепкого здоровья, благополучия, успехов.

С глубоким уважением,

Директор ОИЯИ

А.Н. Сисакян

Дубна, март 2006 г.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЯДЕРНЫХ ПРОБЛЕМ имени В.П. ДЖЕЛЕПОВА

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

ПОКРОВСКАЯ

ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА

В СВЯЗИ С ПРАЗДНОВАНИЕМ 70-ЛЕТИЯ

ЗАПУСКА СИНХРОЦИКЛОТРОНА

Директор ЛЯП

В.А. Бедняков

Дубна, 20 декабря 2019 года

Содержание

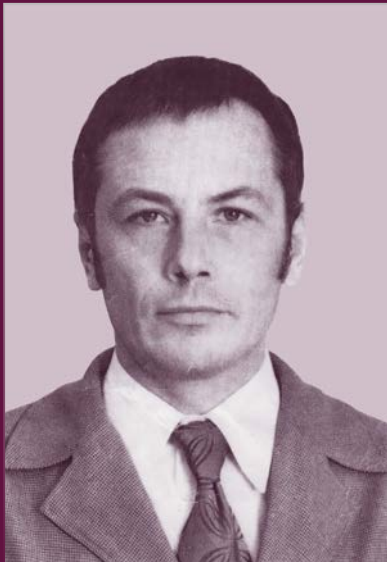
Происхождение, детство и юность.....	4
На орбите Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ.....	16
На заслуженном отдыхе	45
Эпилог	55
Приложение А	
<i>И. Г. Покровская</i> «Судьба свои дары явить желала в нем...»	56
Приложение Б. Приказ директора ОИЯИ В. Г. Кадышевского	65
Приложение В. Из газеты «Дубна: наука, содружество, прогресс»	67
Приложение Г. Письма, награды	68

КОМАРОВ Владимир Иванович
ИРИНА ГРИГОРЬЕВНА ПОКРОВСКАЯ

Редактор *Е. В. Калининкова*
Верстка *В. А. Жбанковой*
Допечатная подготовка фотографий *Е. П. Белолаптиковой*
Обложка *В. О. Тамоновой*

Подписано в печать 22.07.2025.
Формат 60×84/8. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 4,92. Тираж 135 экз. Заказ № 61136.

Издательский отдел Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна, Московская обл., ул. Жолио-Кюри, 6.
E-mail: publish@jinr.ru
www.jinr.ru/publish/

Владимир Иванович Комаров (р. 1935) – физик-экспериментатор, доктор физико-математических наук, ветеран Лаборатории ядерных проблем ОИЯИ. Начал работу в ОИЯИ в 1957 г. с дипломной практики на синхроциклотроне лаборатории. Получив диплом с отличием на физическом факультете Московского университета, был принят в 1959 г. на работу в ЛЯП ОИЯИ, где работал в должностях от младшего до главного научного сотрудника. Научные эксперименты периодически совмещал с административной работой в должности ученого секретаря лаборатории либо руководителя научного отдела. Проводил экспериментальную работу на протонных ускорителях Дубны, Протвино, ЦЕРН и Юлиха (Германия). Результаты изложены в более чем 180 научных публикациях, написанных лично им либо в соавторстве с коллегами.